

ГАЛИНА РОМАНОВА

ГНЕВ ВЛЮБЛЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Гнев влюбленной женщины

«ЭКСМО»

2014

Романова Г. В.

Гнев влюбленной женщины / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2014 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-72413-0

Ольга, как в старом анекдоте, не вовремя вернулась с работы и застала в своей спальне картину маслом: супруг Виктор стыдливо прятался за занавеской, а его толстая и некрасивая любовница Валя выглядывала из-под одеяла. Это потом Ольга узнала: ее зовут Валентина, тогда же в сторону счастливых любовников полетело все, что оказалось у нее под рукой, – тапочки, подушка и даже светильник. Спустив благоверного и его пассию с лестницы, Ольга мечтала никогда в жизни не видеть ни неверного супруга, ни тем более разлучницу. Она даже не подозревала: уже через пару дней ей предъявят обвинение сначала за жестокое избиение Виктора, а потом... за убийство Валентины. Причем ни того ни другого Ольга не совершала... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-72413-0

© Романова Г. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Галина Романова

Гнев влюбленной женщины

Глава 1

Она смотрела на голого мужа, прикрывающегося в углу тяжелой портьерой, и ей казалось, что она сходит с ума. Это было почти то же самое, что застать в своем доме банду грабителей, которые переворачивают весь твой дом, вспарывают подушки и матрасы в поисках денег и ценностей. И понимаешь, что надо бежать, звать на помощь, а стронуться с места – нет сил.

Банды грабителей не было. Были муж и его любовница. Они не грабили ее дом. Они грабили ее душу. Они не вспарывали ее подушки, они вспороли ей сердце.

Надо было орать, сквернословить, оскорблять их всякими мерзкими словами! Еще надо было швырять чем-нибудь в голого мужа и его бабу, возившуюся в кровати и прикрывающуюся ее пододеяльником. Любимым, шелковым, между прочим! Ей этот пододеяльник вместе с простыней и наволочками любимый друг привез из Испании. А они на нем...

А эти сволочи на нем не пойми чем занимаются!

Да нет, конечно, понятно, чем они тут занимались в ее отсутствие. Скотством!!!

И поэтому ей надо было визжать, материться, топать ногами, рвать все в клочья: портьеры, пододеяльники, наволочки, царапать их наглые физиономии, их бледную кожу, светившуюся в полумраке спальни особенно бесстыже.

Но сил-то, сил не было!!!

– Что это, Виктор?! – восстановив дыхание, спросила она после паузы, тянувшейся вечность.

И тут же подумала, что, если он сейчас скажет, что это не то, о чем она подумала, она его убьет. А если не убьет, то покалечит точно! На это сил хватит! Бешеная злоба, родившаяся вдруг, раздувала в ней эти силы, заставляя сжиматься кулаки.

– Это? – Его перекошенная от страха физиономия и голое левое плечо показались из-за края шторы. Виктор судорожно сглотнул. – Это Валя!

– Вижу, что не Максим! – Голос добрался до рубежа истерической ноты и завис. Пришлось отдышаться. – Какого хрена эта Валя делает в моей кровати???

– Малыш... Малыш, я все сейчас объясню, – принялся он лопотать заезженную несусветную чушь. – Это... Это не совсем то, о чем ты подумала и...

Все, это был сигнал к действию!

Первым в его голову полетел ее зимний башмак на толстой рифленой подошве. Левый. Потом правый. Оба летели, сопровождаемые ее диким истеричным хохотом. Потом была напольная ваза, а это метр десять тяжелого фарфора со вставленным в нее букетом из сухих колючих веток. Очень хотелось послать еще в угол и прикроватный светильник. Но тогда пришлось бы проходить мимо этой тетки, тихо повизгивающей и без конца причитающей: ой, мамочка. Светильник остался на месте, но вот пепельнице досталось. Она разлетелась на мелкие кусочки, столкнувшись со стеной в паре сантиметров от Витиной головы.

– Малыш! Малыш, успокойся... – лепетал испуганный супруг, не решающийся выскочить голышом из своего укрытия. – Малыш, не надо!!! Не надо, прошу тебя! Соседи...

– К черту!!! – надрывалась она, бегая по спальне в поисках тяжелых предметов, способных летать. – Пусть знают, какая ты сволота!!!

– Малыш, я могу все объяснить... – блеял Виктор, кутаясь в портьеру. – Это не то, о чем ты подумала...

Добила ее его эрекция, которую тяжелый шелк не способен был скрыть. И Витя, как ни старался, не сумел этого сделать. Она все заметила.

Господи! Эту сволочь заводил ее гнев!!! Эту сволочь заводило ее бешенство!!!

– Убирайся!!! – взревела она, кровь ударила ей в голову.

И, пренебрегая гадливостью, она добралась все же до прикроватного светильника. Схватила его за ножку и, выдернув шнур из розетки, принялась наносить Витьке удары один за другим. Один за другим.

Витька выл, его толстая бабища Валя тоже выла, елозя жирной задницей по ее шелковой простыне, которую ей...

А, это неважно уже было. Все равно комплект из Испании теперь шел на выброс.

Что было потом, она помнила смутно. Кажется, она споткнулась и упала. Или это Витька с силой оттолкнул ее от себя, и она, пролетев метра два, приземлилась навзничь на пол. Или его бабища схватила ее сзади за волосы и дернула так, что она упала.

Не помнила, и все! Вообще ничего! Когда пришла в себя, обнаружила, что сидит, привалившись спиной к стенке. В руке зажат шнур от прикроватного светильника. Голова болит так, что моргать больно. Нос не дышит, потому что она плачет. Губы вспухли то ли от падения, то ли оттого, что она плачет. И еще обнаружила, что где-то в квартире надсадно орет ее телефон голосом Григория Лепса.

Это звонил ее дружище – Гера. Он же Герыч, он же Герасим, он же Геральд Эдуардович Зотов – тридцатипятилетний холостяк, всю свою сознательную жизнь потративший на какие-то поиски, раскрытие преступлений, восстановление справедливости.

– Зачем тебе это надо?! – вопрошала она не раз, приводя в порядок его холостяцкую берлогу. – Займись лучше собой! Займись поиском собственного счастья. Раскрой секрет собственной удачи! Восстанови, наконец, справедливость в этом долбаном деле со своим наследством! Тебе что, в чужом говне нравится возиться?!

– Нет, – лениво отзывался Геральд. – Не нравится.

– Чего тогда?

– Азарт поиска, – зевал Геральд ей с дивана. – И у меня это получается. А отобрать у сеструхи трешку, завещанную матерью, не могу.

– Ее не надо отбирать. Просто нужно заставить ее поделиться, Гера!

– Она поделилась, – он обводил руками тесную однокомнатную халупу на окраине города.

– Это несправедливо, Герыч!!! – кипятилась она.

– В жизни мало справедливости, поверь мне, подруга, – и дружище закрывал глаза, давая понять, что разговор окончен. Но мог и добавить, будто сквозь сон: – Она мне родной человек. Единственный оставшийся родной человек из моего прошлого. Что же я с ней из-за каких-то сраных метров стану насмерть биться?

Аргумент убийственный, ей всегда в этом месте нечем было крыть.

У нее родни было навалом, порой даже дышать трудно от такого количества сестер, братьев, теток и племянников. Представить себя один на один с суровой действительностью – когда не к кому податься, некому руку подать, не у кого взять в долг, остаться переночевать или просто заскочить пообедать, потому что на обед было что-то невероятно вкусненькое, – она не могла.

Ее всегда окружала шумная толпа родственников. И в будни, и в праздники. И она их всех любила. И ее любили тоже. А после смерти родителей особенно. И почему-то ей казалось, что не стали бы они с ней биться насмерть из-за квадратных метров, и обманывать не стали бы, и не посмели бы ничего отобрать. Как Геркина сестра – долговязая пожилая дама, вырастившая непутевых сыновей-близнецов и считающая, что весь мир ей обязан только за то, что она когда-то кого-то произвела на свет, потом мучилась – воспитывала, теперь страдает, наблюдая за иждивенцами-сыновьями.

У нее все было по-другому. Все было лучше, чище и правильнее.

Так она считала еще сегодня утром, когда собиралась на работу и готовила завтрак своему мужу Виктору. Вкусно все получилось: сырники со сметаной, кофе со сливками, овсянка с курагой. Он любил с утра пожрать посытнее – ее невероятно милый и уступчивый супруг. У которого сегодня что-то вдруг случилось, о чем она вдруг не так подумала!

– Да, – ответила она Геральду, еле добравшись до телефона.

– Что с тобой, Оля? – раздался в ухе настороженный голос друга.

– Со мной? А что со мной? – она истерично хохотнула. – Со мной все как раз нормально!

– Да? А чего Люська мне звонит и верещит, что у тебя наверху смертоубийство?

Люськой была ее соседка снизу, отчаянно набивавшаяся Оле в подруги. Оля была и не против поначалу: а чего не дружить-то? Но потом поняла, что погорячилась. Люська тут же начала отвоевывать слишком много пространства в ее личной жизни. Слишком! От нее невозможно было избавиться даже тогда, когда отчаянно хотелось побыть одной. И Оля установила определенные пределы. Люська тут же сникла, пыталась обидеться, но затем все же приняла условия. Они дружили, но не слишком тесно. Олю это устраивало. Люська же скрипела зубами и молчала. Но при каждом удобном случае пыталась внести смуту в их с Геркой давние дружеские отношения.

– Не могут дружить мужчина и женщина, Оля! Не могут! – восклицала она каждый раз, как Геральд засиживался у Оли допоздна, а то и ночевать оставался на диванчике для гостей. – Это не есть норма!

– Он мне как брат, дурочка, – хмыкала снисходительно Оля и трепала Люську по ершистой макушке. – И это уже давно и навечно...

Но соседка упорно стояла на своем, а однажды и вовсе заявила, что Геральд тайно влюблен в Олю.

– Дура!!! – взревела тогда Оля и даже хотела выставить соседку вон. – Какая же ты дура, Люська!

– Ничего я не дура. Я не слепая. Я вижу, как он на тебя смотрит. Хочешь, расскажу?

Оля не захотела, и встречи свои с соседкой снизу сократила до минимума. Последний раз они встречались, дай бог памяти, почти три недели назад. Пили чай с тортом, который принесла Люська. И осторожно говорили о погоде, катаклизмах в природе, задерживающих выпадение декабрьского снега, и о новинках кинопроката. Тему взглядов Геральда Люська больше не затрагивала. Видимо, поняла, что себе дороже.

– Оля, чего молчишь? – повысил голос Геральд. – Что у тебя там в доме?

– В доме?! А в доме у меня голый Витя случился, дружище! Голый Витя и голая Валя в моей кровати! – вибрирующим от слез голосом проговорила Ольга. – На белье, которое ты мне привез из Испании, Гера!!!

Геральд смачно выматерился, надолго замолчал. А она все это время, пока он молчал, рыдала и приговаривала:

– Я же ему никогда, Гера... Даже в мыслях никогда... За что, Гера??? Что во мне не так??? У этой Вали синие ляжки!!! Ты можешь себе представить, что у нее вот такая жопа!!! – Она развела руки на метр, тут же спохватилась и вернула руку с телефоном к уху. – В ней сто двадцать килограммов жира, Герыч!!! Она рыхлая и страшная!!! Ее ляжки сизого цвета и трясутся!!!

– Прекрати, меня сейчас вырвет, – вдруг вставил он.

– А его не рвало, представляешь!!! – заорала она тонко и пронзительно. – Ему было очень даже с ней... Он... С утра я накормила его таким вкусным завтраком... Он...

– У него что, сегодня выходной? – вдруг перебил ее Геральд.

– Нет... – Она подумала немного и пожала плечами. – Вообще-то не знаю точно. Давно не слежу за его графиком.

– А ты? Ты раньше времени домой вернулась?

– Да нет же, нет! Все как всегда, в половине седьмого я пришла домой. А они в моей спальне!

– Наверное, уснули, – банально предположил сыщик Геральд Зотов.

И она, тут же представив картину любовных утех, сморивших любовников, разревелась в голос.

– Ладно, не реви. Скоро буду, – пообещал Геральд и отключился.

Явился он через час, и не один, а на пару с Люськой. У Геральда в руках пакет с выпивкой и закуской. У Люськи огромная картонная коробка, в которую она тут же принялась сгребать с ее постели белье, подушки, одеяло. Все молча, деловито, со скорбно поджатыми губами. Потом, не побоявшись надорваться, оттащила коробку к мусорным бакам. Вернулась и начала накрывать на стол. Гера тем временем сидел тихонечко на диване, позволяя Оле пачкать его фирменную вельветовую рубашку слезами и соплями.

– Все! Идите! – скомандовала Люська через полчаса. Глянула на Олю, осуждающе качнула головой и скомандовала: – Быстро умойся!

Оля умывалась долго. Ледяная вода не помогала остановить слезы, комок в горле тоже не проглатывался. Она плескала и плескала себе в лицо пригоршни холодной воды, ловила вспухшими губами ледяные струи. Бесполезно! Но потом вдруг замерзла. И горло начало саднить. Оля пустила теплой воды, набрала полную раковину и опустила туда голову. Помогло! Щеки порозовели, в глаза брызнула каплями, чтобы исчезла краснота. Волосы чуть посушила, причесала, сняла вымокшую кофточку, надела черную футболку, сушившуюся в ванной. И пошла на кухню.

– Ну, вот же! Милое дело! – похвалила ее соседка мягким голосом, значит, уже выжрала. – Присаживайся.

Оля села на свое любимое место – спиной к окну. Взяла из рук Геральда полную рюмку с водкой и выпила ее одним глотком. Закусила маринованным огурчиком. И еще выпила. И еще. Странно, не пьянела. Но приятно успокоилась.

– Что думаешь делать? – спросил Геральд, заметив в ней перемену.

– Простишь?! – хищно сузила черные глазищи Люська.

– Нет, конечно, с ума сошла, да? – отмахнулась от нее Оля и потянулась к пережаренным бифштексам. Люська совершенно не умела готовить, хорошо еще, что совсем не сожгла.

– А что? – Геральд смотрел на нее поплывшим взглядом – он заметно охмелел.

– Выгоню!

– А сейчас он где?

– Не знаю, – Оля пожала плечами. – Даже не помню, как они убралась. Кажется, была драка?

– Грохот жуткий. Я перепугалась. – Люська прилепила маленькую ладошку к груди. – Помчалась наверх, а они мне навстречу. Бегом! Я к тебе постучалась, а в квартире тихо. Я и давай Герасиму звонить.

– Молодец, – похвалил Гера и мягким ласкающим движением тронул ее за щеку. – А то бы ревела наша Оля до завтрашнего утра. И не понимала бы, как ей повезло.

– Мне??? Повезло??? – ахнула она и снова выпила. – Издеваешься???

– Нет. – Гера тяжело мотнул головой. – Я давно говорил тебе, что Витька засранец.

– Так ты знал?!

– Нет, конечно, – перепугался сразу друг. – Если бы знал, башку бы ему оторвал еще вчера! Просто предвидел, что все этим закончится.

– Но ведь никогда, Гера! Никогда ни малейшего повода... – начала было она утверждать и тут же осеклась.

– Что?! – выпалили ее гости, напряжив спины, плечи, шеи.

– А ведь было, ребята! Было однажды!

Ей вдруг вспомнилось прошлое лето, когда Витька с чего-то зачастил на их недостроенную дачу. Вернее, она была достроена, но с отделкой дело тормозилось. И Оля не любила там оставаться на ночь, днем – пожалуйста. Днем там было хорошо – деревья, трава, цветы, солнце. Озерцо в десяти метрах от их изгороди. Оля загорала, купалась, рвала цветы, составляли из них мудреные букеты, которые даже прагматик Гера находил прекрасными. Она готовила на походной газовой плитке, полоскала посуду и овощи в ведрах с родниковой водой. И ей это нравилось. Но ночевать она все же предпочитала дома. А вот благоверный вдруг начал там оставаться, и довольно часто. И однажды...

– Я как-то приехала в пятницу вечером, а его нет. Первый раз, кстати, собралась там переночевать! Звоню, а он докладывает, что ему выходные перенесли с субботы и воскресенья на следующие среду и четверг, – принялась она рассказывать. – И он, мол, не приедет, как обычно. Мы ведь обычно там с ним встречались. Ехать из разных районов, смысла не было время терять на то, чтобы пересаживаться в одну машину. Он в пятницу уезжал, я в субботу приезжала. Так вот, я побродила там, побродила, зашла в дом. Там, понятное дело, бардак. Я решила прибраться и...

– И??? – Голос у Люськи сделался сиплым-сиплым, совершенно на ее непохожим.

– И нашла брошку! Может, и не брошка, а заколка или пряжка от ремня. Черт ее знает! Хорошая штучка, скажу вам. Дорогая! И, как мне показалось, знакомая какая-то. Будто я ее где-то уже видела. Я к Витьке пристала потом. Он отшутился. Сказал, что на озере нашел, когда купался. Ему, мол, понравилась, он и забрал. Потом зашвырнул и забыл.

– И ты поверила? – совершенно осипла Люська, взгляд ее, плавающий от хмеля, медленно обошел Олину кухню. – И ты поверила?

– Пряжка от ремня – это не трусы, дорогая, – хмыкнула Оля с горечью. – Забросили и забыли.

– Кто забросил? – прицепился вдруг Гера.

– В смысле?

– Ты забросила или Витька?

– Господи! Ну какое это имеет значение?! Я не помню! Это было год назад. После этого у меня не было и тени сомнения! Ни разу!

– Это потому, что ты дура, дорогая моя, – кивнул с важным видом Гера.

– Почему это?

– Хочешь сказать, что он ни разу не задерживался на работе? Ни разу у него не было экстренных совещаний? Никогда работы в выходные дни?

– Были, конечно, но...

– Но?

– Но это же норма для всех, Гера! Нынешняя конкуренция требует полной служебной отдачи! Я своим подчиненным тоже устраиваю и уплотнение графиков, и поздние совещания, и... А, да если начать подозревать, то жизнь превратится в кошмар, – подвела она черту и снова выпила, хотя в голове поднялся невообразимый шум и все корчилось и кривлялось перед глазами.

– И ты доверилась мерзавцу, который не нашел ничего лучше, как притащить толстожупую бабу к тебе в кровать! – Гера надсадно заржал, роняя сырные крошки себе на фирменную вельветовую рубашку. – Олька... Какая же ты, Олька, наивная...

– Но славная, – вступилась за соседку Люся, икая через слово. – Так нельзя поступать с людьми. Нельзя!

Последнее, что запомнилось Оле из этого вечера разбора полетов, – это слабый кулачок соседки Люси, пытающийся опуститься на стол, но все время соскальзывающий. Все, она отключилась.

Утро началось с дикой головной боли и такой страшной жажды, что казалось, будто горло ей кто-то ночью выложил наждачной бумагой. Она попыталась шевельнуться, обнаружила, что лежит поперек незастеленной кровати в джинсах и черной футболке. Рядом никого не было. Никого!

Оля перевернулась, поползла к изголовью, уложила голову туда, где должна была быть подушка, и, вытянув руку, погладила то место, где всегда покоилась Витькина голова.

И только потом вспомнила! А вспомнив, резко отдернула руку, будто обожглась.

– Господи, как же теперь жить?! – издало странный шепот ее саднящее горло. – Что же теперь будет со мной?! С нами?!

... – С нами все будет как раньше, Оля! – рыдал у нее в ногах часом позже ее благоверный, обделавшийся накануне в ее глазах по самые уши. – Все будет хорошо, малыш! Все будет хорошо! Я же люблю тебя!!! Мне нет жизни без тебя, милая... Милая... Оленька... Прости! Прости! Не могу без тебя! Это было ошибкой, заблуждением! Прости!

Витькины руки сновали по ее коленкам, ступням, перебирали пальцы ее рук, гладили бедра. Пытались дотянуться до ремня на ее джинсах, но Оля не пускала. Представить себе сейчас близость с ним было просто невозможно. Невозможно!

Тут же перед глазами всплывала толстая дряблая задница соперницы, ее рыхлые плечи, огромные сиськи с сосками, напоминающими карамельные конфеты. И Витькины руки, все это добро лапающие.

Фу-у, мерзко, тошно, отвратительно!

– Уйди, – тихо сказала Оля. – Я не прощу.

– Точно?

Он отскочил от нее как по команде, встал в метре от дивана, на котором она сидела. Уставился исподлобья. Слезы странным образом высохли мгновенно на его физиономии.

– Точно, – кивнула Оля.

И вдруг поняла, что так и будет. Она никогда его не простит. И никогда не сможет быть с ним вместе. Так, как раньше, не сможет. Потому что будет постоянно сомневаться, подозревать, испытывать на прочность. Разве это жизнь?!

– Мы вместе не будем, Витя. Никогда. Тебе надо подыскать себе жилье. – Оля не могла смотреть на него, предпочитая рассматривать картину на стене за его спиной, привезенную Геркой из Франции. – Здесь ты больше оставаться не можешь.

– Но мне некуда идти! – вдруг взвизгнул он, и это было так ему несвойственно. Ему – спокойному, тихому, вечно со всем соглашающемуся. – Мне некуда идти! И это мой дом тоже!

– Ошибаешься, – возразила Оля и недоуменно уставилась на мерзавца. – Это квартира моей тетки, и она оформила ее на меня по договору пожизненной ренты. Тетка жива, и, дай бог, будет жива еще много лет. Так что... Так что это пока и не моя квартира тоже. Убирайся! Убирайся, или я... или я убью тебя!!!

Наверное, она выкрикнула это слишком громко. И топнула сильно. По стене, отделяющей их двушку от однокомнатной квартиры пожилой супружеской пары, принялись громко стучать.

– Вот! Вот! – Витя шлепнул себя по ляжкам. – А я что говорил! Истеричка!!! Неуравновешенная, истеричная особа! Вчера устроила не пойми что! Сегодня угрожает мне убийством! Как ты с этим жить потом собираешься, Оля?

– С чем? – не поняла она.

– Когда убьешь меня, как жить станешь?! – чрезвычайно громко, намного громче, чем требовалось, спросил он.

И потом ушел.

Правда, не сразу, как ей хотелось. Сначала он ушел из комнаты, где она сидела съезжившись. Долго возился с вещами, вытаскивая их из шкафов и раскладывая на кровати. Потом долго рассовывал их по сумкам, чемоданам, пакетам. И носил к машине тоже долго.

– Я буду жить на даче. Уж оттуда ты меня выгнать не сможешь, – с удовлетворенной ухмылкой произнес Витя, прощаясь на пороге при открытой входной двери. – Дача записана на меня. Сил моих туда вложено уйма! Так что...

Тут соседская дверь чуть приоткрылась, дернувшись. И Виктор, заполучив в лице супружеской пары, проживающей по соседству, благодарных слушателей, закончил с чувством:

– Конечно, если ты захочешь меня убить, то лучшего места, чем наша дача, не найти. Тихо, уединенно.

С этим она могла бы поспорить. Дачников было много. У них имелись дети. Многие из соседей жили там круглый год. И их малолетние дети, все время носившиеся с криками по округе, жили там тоже. Так что про тишину и уединение был явный перебор.

Но раз Вите захотелось изобразить из себя жертву, то на здоровье.

– Надеюсь, у тебя не хватит наглости, выгоняя меня из дома, еще и на дачу претендовать? – Это было сказано уже очень тихо, не для старческих ушей.

– А если стану претендовать, то что? – с вызовом вскинулась Оля.

Поведение мужа, теперь уже на девяносто процентов бывшего, ее не просто возмущало, оно ее бесило так, что она готова была снова начать визжать и бросаться в него разными уцелевшими после вчерашних разборок вещами.

Но приходилось держать себя в руках. Соседи бдели у приоткрытой сантиметров на пять двери. Не радовать же их!

Витька, мерзавец, порадовал.

– Все, я пошел. Прощай, – кивнул он.

Подхватил две последние сумки с лестничной площадки, шагнул к лестничному пролету, но вдруг будто спохватился и оглянулся сначала на нее, потом на соседскую дверь.

– Да, и это... Хотел тебя попросить напоследок. Оля, ты бы не пила так.

– Что-о-о?

У нее просто в глазах потемнело от такой наглости. Понятно, конечно, что во рту у нее все еще ощущался кислый привкус перегара, но на то были объективные причины. Если бы она не напилась вчера с друзьями, то, возможно, просто сошла бы с ума. И ее не без Витькиных стараний уже тихонечко превращали бы в овощ в одной из клиник для душевнобольных.

Она имела право выпить вчера! И выпила! А он...

– Что ты сказал, засранец? – Оля шагнула за ним следом и вцепилась в рукав его дорогой куртки, которую она ему купила к этой зиме.

– Давай без истерик, – сморщился он и снова покосился на дверь супружеской пары, наблюдающей за ними, затаив дыхание. – Просто прошу тебя, не пей так много. Пропадешь ведь...

И ушел, гад такой. И соседская дверь тут же захлопнулась. Больше интересного ничего не будет. Все, что надо, они уже видели. А Оля, вернувшись в дом, заперла его на все замки, решив поменять их уже сегодня. И через несколько минут погрузилась в горячую ванну, полную ароматной пены. И провалялась в ней полчаса. Потом тщательно вымылась, почистила зубы, оделась в домашний льняной халат, привезенный ей Геркой из Греции, и пошла хлопотать по дому.

На работе она взяла отгул, их скопилось столько, что она запросто могла не работать полгода. Герке позвонила и все рассказала. Он пробормотал что-то неразборчивое и велел перезвонить ему вечером. Люську предупредила, чтобы не беспокоила ее пару дней. Отключила все телефоны, поставила на газ кастрюлю с куском говядины – вдруг захотелось супчика с зеленым горошком и морковкой. И выкатила из шкафа в прихожей пылесос.

Она все, все, все вычистит в доме! Она все здесь перевернет вверх дном! Чтобы даже духу, чтобы даже напоминания никакого не осталось от этого человека!

Домашним трудом она угнетала себя до самого вечера. Сделала уборку. Перевернула матрас на кровати, застелила его новым постельным комплектом в огромную оранжево-синюю клетку. Сверху заправила новым покрывалом, которое планировала подарить кому-нибудь из своих родственников на ближайший Новый год. Покрывало было слишком нарядным и слишком светлым. Витка все равно бы его унавозил за неделю. Он любил валяться поверх покрывала прямо в рабочих брюках, носках и тапках.

Теперь его нет! Теперь гадить некому!

Супчик поспел как раз вовремя. Налила себе полную тарелку, порезала мясо кусочками и принялась есть.

– Все, Люся! Все! Это пройденный этап! – провозгласила Оля часом позже, включив все телефоны и поочередно сообщив своей многочисленной родне, что она разводится. – Больше я его знать не желаю!

– И не простишь?! – благоговейным шепотком поинтересовалась соседка.

– Ни за что!

– А если он в ноги упадет? Заплачет?

– Уже пробовал, не прокатило.

– Ух ты! Ты молодец, Оля! Ты сильная! А это... – Люська двинула носиком. – А что это у тебя там громыхало полдня над моей головой?

– Пылесос!

– Ты убиралась? – ахнула соседка. – С такого бодуна?! Господи! Героическая женщина. Я лично весь день провалялась. Голова раскалывалась.

– Вы вчера во сколько ушли? – вдруг спросила Оля, момент их ухода она, мягко говоря, проспала.

– А я помню! – фыркнула Люська. – Герасима надо спросить. Он меня укладывал.

– Что?! Как это, укладывал?! – Оля остолбенела, застыв посреди кухни с маковой булкой в руках. – Вы с ним что, того, да?

– Ох, господи, очумела, что ли? Он не по мне сохнет, я тебе давно сказала.

– Мы друзья, – напомнила на всякий случай Оля, вспомнив соседские рассуждения про дружбу между мужчиной и женщиной.

– Ага, ага... Дружите дальше. Ничего не имею против. Я это, Оль, не пыталась его соблазнить, так и знай. – Люська грустно рассмеялась. – Даже если бы и пыталась, он к моим чарам остался бы глух и слеп. Ладно, проехали. Герку спроси. Он ретроспективу тебе быстро нарисует.

Но Герка тоже не помнил. И даже не помнил, ушел он от Люски сразу или оставался у нее какое-то время.

– О, кажется, у нас намечается роман? – фальшиво обрадовалась Оля. – Встретились два одиночества?

– Может, и так, – буркнул Гера и через пару минут, сославшись на занятость, отключился.

А она остаток вечера провела наедине с раздражающими мыслями о собственной неприкаянности. Некстати вспомнилось, как когда-то давным-давно, еще в прошлой незамужней жизни, Герка делал ей робкое, ненастойчивое предложение руки и сердца. Ему было тогда двадцать пять, ей двадцать. Они были молоды, беспечны и совершенно не понимали, чего ржут, как дураки, разговаривая о возможном супружеском союзе. И даже поцеловаться как следует не смогли, потому что ржали как ненормальные. Или носы им мешались, или ее волосы, которые норовили попасть обоим в рот.

Идиоты!

Это Герка тогда подвел такую черту под их попытками, или провел черту между ними, отпихнул ее от себя. Больше они к этому разговору не возвращались. Никогда! И не пытались

целоваться, никогда! Просто продолжали верно дружить и ядовито критиковать избранников друг друга, если они случались.

Витьку Гера тоже критиковал. И даже немного ненавидел, когда Оля не послушалась и выскочила за того замуж.

– Долго ваш брак не продлится, – предрек он, и как в воду смотрел.

Сколько они с Виктором прожили? Лет пять? С трудом наберется, если учесть, что первые два года он постоянно разъезжал по командировкам.

– Хочешь, я его посажу?

Это Герка вчера сказал, когда она в очередной раз расплакалась. Вспомнила, надо же!

– За что?! – удивилась она.

– Был бы человек, дело ему пришьют!

Дело вдруг обнаружилось, но как раз для нее! Вот уж воистину: от суммы да от тюрьмы не зарекайся...

Глава 2

Виктор лежал на больничной койке с перевязанной головой. Глаза были плотно закрыты. Лицо бледное, обветренное, заросшее пятидневной щетиной.

– Вить, Витя! – позвала она негромким голосом.

Оля остановилась в ногах у бывшего мужа, переложила пакет с апельсинами и морковным соком из одной руки в другую. Пакет громко зашуршал. Веки у Вити нервно дернулись и глаза открылись.

– О-о-о, кто пришел... – Его спекшиеся губы поползли вбок, видимо, он пытался улыбнуться. – Посмотри, полюбуйся на дело рук своих. И это... Я не хочу тебя видеть, поняла?! Никогда! Уходи!

Оля вздрогнула, но почти не удивилась. Потому что только час прошел, как она покинула кабинет следователя, где тот задавал ей таки-и-ие вопросы! Она не знала, как на них реагировать, поэтому среагировала закономерно и неучтиво, конечно.

– Вы с ума сошли?! – спросила она, округлив глаза на следователя.

Тот сразу оскорбился, надулся мыльным пузырем, начал крутить гелевую ручку.

– Думайте, гражданочка, что говорите, – попенял он ей.

– Но вы же не думаете, обвиняя меня в организации нападения на моего мужа! – воскликнула она. – Кому только в голову могло прийти такое?!

– Вашему мужу и пришло, – пожал следователь толстыми плечищами. – Вот у меня его заявление, где черным по белому написано, что вследствие дикой сцены, устроенной ему вами, он всерьез опасается за свою жизнь. Посмотрите, каким числом датировано?

– Пять дней назад писал, сволочь, – удивленно отозвалась Оля, сверив дату по часам. – И?

– И тем же вечером он подвергся жестокому избиению. Как результат – сотрясение мозга, множественные ушибы и царапины.

– Жить будет? – неловко пошутила она и тут же погасила улыбку, нарвавшись на злобный взгляд следователя.

– Жить-то будут все, вопрос: как? Он может всю жизнь оставшуюся промучиться головными болями. А вы...

Он многозначительно затих. Тут же обнаружил, что испачкал гелем все пальцы, и принялся вытирать их носовым платком. Грязным!

– А я? – Оля оторвала взгляд от его неряшливых манипуляций.

– И вы будете маяться головными болями, только иного свойства, – молвил следователь, засовывая грязный носовой платок в карман штанов.

– То есть?

– Останетесь или нет вы на свободе? Если останетесь, то на каких условиях? И устроят ли эти условия стороны?

– Какие стороны?!

Оля скорее угадала, чем почувствовала, как у нее распахивается рот от дикого изумления. Тут же подумала, что это может быть некрасиво, и прижала к губам ладошку.

– Стороны истца и ответчика! – он радужно улыбнулся.

И почему они все время радуются чужому горю, мелькнуло у нее в голове. Почему следователя, к примеру, не печалит, что она вот нарвалась на мерзавца, с которым прожила несколько лет? Что эта сволота теперь пытается мстить ей мерзко и мелко. Нарвался на хулиганов и решил отыграться на ней, выместить, так сказать, всю свою бесполезную, беспомощную ярость. Или он в самом деле считает, что это она организовала нападение на него?

Идиот!

Она, между прочим, быстро пришла в себя от потрясения, устроенного ей Витькой и его пассивей. Ушла с головой в работу, тем более конец года. Запланировала поездку на весну. Куда, пока не решила. Но запланировала же. Зачем ей кого-то бить по башке? Зачем кого-то просить бить по этой самой башке?

– Не вижу смысла марать руки о то, в чем не нуждаюсь, – выкатила она обиженно нижнюю губку.

– Но как же, Ольга Ивановна! Полноте! Вы пребывали в таком неистовстве, когда застали вашего мужа дома с любовницей! – противно хихикнул следователь.

Чего он снова радуется-то, а?

– Вы орал как сумасшедшая, били о стены посуду. Крушили все вокруг. Избили и его торшером.

– Это был не торшер, а маленький... – Оля раздвинула ладошки на пятнадцать сантиметров, – прикроватный светильник. А вы бы обрадовались, застав жену дома голышом с голым мужиком? Вам бы это понравилось?

Он крикнул, и промолчал, снова достал свой мерзкий носовой платок и начал мусолить им грязные пальцы.

– Вот видите! – подхватила она. – Думаю, что и табельное оружие пошло бы в ход, случись у вас подобное!

А может, правда, случилось? Потому что его толстые дряблые щеки вдруг побагровели, он привстал с места, схватил Олю за воротник ее милой норковой курточки, притянул к себе и зашипел, зашипел, обдавая ее несвежим дыханием:

– Ты чего, сучка, о себе возомнила, а?! Ты чего, думаешь, что раз в такой элитной конторе служишь, то можешь себе все позволить? Да я тебя... Я тебя на щелчок пальцев на нары отправлю!

– Вместе с тобой! – воскликнула она. – Я вот сейчас в службу собственной безопасности позвоню и устрою тебе, хам, такое!!!

Из него будто воздух выпустили, ткнув в бок тонкой спицей. Он сдулся как-то разом весь, уронил свое колышущееся жиром тело на стул, опустил голову и замолчал.

– И че ты им скажешь, овца? – прошептал он минуты через три и уставил на нее остекленевшие глаза.

– Скажу что надо! – отрезала она и поднялась со стула, отряхнула курточку, поправила воротник. – О превышении полномочий, о домогательстве, надругательстве и много чего еще. А еще о презумпции невиновности напомним. Знаешь, что это такое, а?!

– Су-ука... – выдавил он. – Теперь я не я буду, но тебе сидеть, сука, пошла вон!

Она ушла вроде бы и непобежденной. А зареветь тут же захотелось.

Оля села в свою машину и минут пять сидела, тупо наблюдая, как дворники разгоняют летящий на ветровое стекло снег. Потом решила позвонить Герке.

– Что? – зашипел он. – Что ты сказала?

– Что слышал, – вяло огрызнулась Оля.

– Повтори! – тут же потребовал дружище. – Только без соплей!

Она повторила с чувством, с толком, с расстановкой. И когда закончила, Гера выдохнул:

– Убью, падлу!

– Которую? – попыталась она пошутить. – Витьку или этого жирдяя?

– Обоих! – и отключился.

А Оля потом весь вечер металась по дому в тревоге за него. Не наделал бы глупостей. И телефон отключил. И Люськи, этой-то чего нет дома?! Как не нужна, вот она! С печеньем, с пирожком, с тортиком топчется на пороге. Как нужна, с собаками не сыщешь!

Так и бродила часа полтора по комнатам, сильно волнуясь за Герку и мимоходом коря себя за несдержанность. Вот сдержалась бы в тот момент, и ничего такого бы не было. Ни Витькиной разбитой башки, ни отвратительного следователя.

Хотя Витькина башка здесь совсем ни при чем. Не она ему ее пробила. Она ему посадила пару синяков на спине и плече. И сильно надеется, что растеребила черствую душу, выставив вон из дома. Это он кому-то еще успел насолить, раз подвергся нападению. Что же, она теперь каждый его шаг стеречь должна? Караулить, чтобы с его головы редкие волосы не разлетались?!

Она с ним разводится, все!

Оля подошла к окошку в кухне и прильнула к стеклу.

На улице выюжило. Свет от фонарей еле угадывался. И народу не было никого ни перед домом, ни в скверике, а там каток залили, хороший лед, ровный. Она еще собиралась в выходные покататься на коньках. Теперь ни до чего. Теперь ей надо осторожничать и все время заботиться об этом, как его... алиби, вот.

– Ты теперь постоянно должна быть на виду. Двое минимум, а лучше трое, должны все время видеть тебя и знать, что ты делаешь, – шипел ей в спину следователь, когда она от него выходила. – Не будет алиби, любую пакость на тебя повешу, так и знай.

И ей вдруг сделалось страшно. А что, если в эту самую минуту кто-то где-то на окраине города или на краю земли погиб?! Что тогда будет с ней? В этой беде ее обвинят?

– Здравсьте... – Оля широко и приветливо улыбнулась пожилой супружеской паре, дуэтом открывшей ей свою дверь. – Вы меня, ради бога, извините!

– Ничего, ничего, Олечка, – улыбнулся ей в ответ пожилой мужчина, кажется, его звали Егор Иванович. – Тебе чего не спится-то?

– Да вот, собралась к завтраку пирогов поставить. А дрожжи сегодня забыла в магазине купить, – изложила она тщательно продуманную ложь. – У вас не найдется немного? Не выручите?

– Щас, – кивнул ей Егор Иванович и, пропустив мимо ушей предостерегающее шипение пожилой супруги, скрылся в недрах квартиры.

Супруга, кажется ее звали Ирина Васильевна, продолжала стоять возле приоткрытой двери и рассматривать Олю в упор.

– Не похоже, – изрекла она разочарованно через минуту и вздохнула.

– На кого? – Оля продолжала улыбаться так, что за ушами покалывало.

– Не похоже, чтобы ты пила, Оля.

– А кто вам сказал?! – изумилась она вполне искренне, хотя прекрасно знала кто. – Я вообще не пью.

– А перегаром давеча пахло! – Ирина Васильевна ткнула указательным перстом в бетонный пол лестничной площадки. – Когда Витя от тебя уходил, пахло же?

– Ну да... В тот день мы с Людмилой... Вернее, накануне. Сами же знаете, что случилось.

Говорите, люди добрые! Говорите с ней! Долго, пространно, обо всем, обо всем! Чтобы было у нее это чертово алиби на ту минуту, когда в городе вдруг что-то где-то случится!

Это, конечно, было сумасшествием, и она это прекрасно понимала. Но это было спасительным сумасшествием.

– Мы не знаем.

Ирина Васильевна широко распахнула глаза, взгляд ее поплыл от предвкушения, она тут же приветливо распахнула дверь. И, двинув Егора Ивановича, принесшего пакетик сухих дрожжей, локтем в бок, проворчала:

– Чего через порог передаешь? Нельзя! Примета плохая. Заходи, Оля. Негоже соседку на пороге держать.

Оля вошла в тесную прихожую, освещаемую старомодным бра возле зеркала. Отказалась от предложенных стоптанных тапочек, перепугавшись, что тогда на всю жизнь пропахнет нафталином.

– Я в домашних, они чистые, – пояснила она и пошла за супругами в комнату.

Там тоже было полутемно. Под потолком висела красивая тяжелая хрустальная люстра, но лампочка была вкручена только одна, и такая слабенькая, что рассмотреть, что там, в дальнем углу комнаты, находится, Оля не сумела даже при стопроцентном своем зрении.

– Присядь, Оля, поговорим, – почти приказным тоном потребовала Ирина Васильевна.

Оля послушно опустилась на краешек продавленного креслица с деревянными подлокотниками, уставилась на супругов, занявших разложенный ко сну диван. Оля мельком окинула глазами их постель, и тут же ей сделалось грустно. Две подушки возлежали далеко друг от друга. Два одеяла, сложенные аккуратными прямоугольниками. Вот так, вроде и рядом, а врозь.

– Расскажи, во-первых, почему вы с этой профурой напились? – снова жестко потребовала Ирина Васильевна. – Мы всегда считали тебя женщиной серьезной, обстоятельной. Семью вашу образцовой. Немного похожей на нашу в молодости. И тут вдруг! За стеной вопли, крики! Грохот такой, что хоть полицию вызывай!

– Наверное, надо было вызвать, – промямлила Оля.

Ей было неуютно в доме этих людей, где неприятно пахло кислым хлебом, луковой шелухой и лекарствами. Неприятно было сидеть перед ними навтыжку и тешить их любопытство. И еще более неприятно было от мысли, что она сейчас их просто-напросто использует! Она ведь не за сочувствием к ним пришла, и уж тем более не за дрожжами. Их у нее в доме полно!

Она к ним пришла за алиби, черт бы его побрал! Которое может понадобиться, если вдруг чего! И которым она может ткнуть в отвратительную жирную физиономию следователя, вознамерившегося во что бы то ни стало наказать ее, все равно за что!

– Не соседское это дело, Оля, полицию вызывать. Думали, дело молодое, поругались, помиритесь. Кто же знал, что все у вас так серьезно!

– Серьезнее не бывает, – подтвердила она кивком. И чуть привстала. – Наверное, мне пора.

– Сиди! – звонко выкрикнула Ирина Васильевна, заставив Олю вздрогнуть. – Сиди и рассказывай, что же у вас там произошло-то?! Почему такой грохот стоял? Почему Витя ушел? Почему ты напилась?

– Я... Я застала его дома в постели с другой женщиной, – произнесла она едва слышно. – И я не сдержала себя, начала ругаться. И, кажется, уронила что-то тяжелое.

И ее едва не стошнило прямо на аккуратно вычищенный старенький ковер супругов.

Вот ведь! И Герке рассказывала, и Люське, и многим из своей многочисленной родни, чтобы они донесли информацию до остальных и меньше потом было расспросов. И даже следователю толстому рассказывала почти в подробностях: как вошла, как увидела, что говорила и что делала. Думала, что каждый следующий ее рассказ сможет притупить боль, выщедить отвращение по капле.

Психологи советуют не замыкаться и проговаривать свою проблему как можно чаще, даже наедине с собой. Она ее и выговаривала. Еще час назад, блуждая по своим комнатам и пялясь в занесенное снегом окно, спрашивала себя о том, почему все так сложилось, и сама же себе отвечала, какую из этого извлечь для себя пользу.

И ничего, чувствовала себя вполне нормально. А сейчас вдруг, под перекрестием взглядов пожилых супругов, стало тошно.

Почему? Может, потому, что почувствовала, что пытается оправдаться? А за что, господи, за что! Пытается представить себя жертвой, а Витьку сволочью? Так это и так видно невооруженным глазом.

– Я же тебе говорила, – не поворачивая головы на мужа, Ирина Васильевна толкнула его коленом. – Я же тебе говорила, а ты не верил!

– Не верил, не верил, – проворчал он. – Кто же от таких женщин гуляет-то? Только дураки! Вот и не верил.

– Да-а, тут я с тобой согласна, – кивнула женщина, поняв его по-своему. – Витя не дурак. Видимо, просто не выдержал.

– Чего? Вот чего он не выдержал?! – рассердился Егор Иванович. – Того, что жена красавица? Что дом – полная чаша?

– А был ты в том доме-то? – фыркнула она недоверчиво. – Красавица! Что с ее красотой делать-то? Дома надо было сидеть, а не работы свои работать допоздна! Да мужа стеречь надо было. Как вот я тебя в молодости. Тоже кобель был еще тот!

Они уже не обращали на нее внимания, говорили между собой и для себя, и даже взгляды их сместились с Олиной опущенной низко макушки друг на друга.

– Витя просто не выдержал, – закончила короткие дебаты с мужем Ирина Васильевна, снова толкнув его коленом. – Красавица! Ты же видел, на кого он ее променял!

– Видел, – согласно кивнул он и удрученно качнул головой. – И даже глазам своим не поверил.

– Да! – со странным радостным клекотом воскликнула Ирина Васильевна. – Не красавица, полненькая, невысокая, но зато, видимо, есть в ней что-то, чего нет вон в ней. Уюта Вите захотелось. Тепла. Вот он и привел эту пышечку.

– Домой? Домой-то зачем? – шлепнул старыми натруженными ладонями себя по коленкам Егор Иванович.

– Вот этого знать не могу, – сдалась супруга и погладила его по колену, которое наверняка страдало артритом и которое он мог отбить, неосторожно расчувствовавшись.

Оля решительно поднялась. Еще слово из их уст, и она точно не сдержится и обругает стариков, и плевать она хотела на алиби, о котором посоветовал ей ежедневно заботиться толстый следователь.

Она молча прошла мимо них в прихожую и единственно, в чем не смогла себе отказать, это громко хлопнуть дверью.

Супруги вздрогнули и замолчали как по команде.

– Тебе не кажется странным... – медленно начала говорить Ирина Васильевна, уставив невидящий взгляд в темный зев коридора.

– Что она дверью хлопнула? Думаешь, обиделась? – Егор Иванович поднялся и потрусил в коридор, резво запер ее на все запоры, вернулся, снова сел рядышком. – Это как раз и не странно, мы с тобой явно перестарались и...

– Тебе не кажется странным ее визит, дорогой? Что-то ей от нас определенно было нужно, – она сжала губы морщинистой трубочкой.

– Ну! Она же за дрожжами приходила, Ира! – обрадовался Егор Иванович, будто странное редкое слово подобрал к кроссворду, которые он просто обожал. – Что же здесь странного?

– Да, но... – она с нежностью потрепала его за щеку двумя пальчиками. – Дрожжи она так и не взяла. И держу пари, пирогами тут и не пахнет...

Глава 3

Половина четвертого утра. Это время он всегда считал временем сотворения зла.

Почти в это же самое время, много лет назад, его многострадальная страна подверглась нападению. Почти в это же самое время, с разницей в пятнадцать минут, его отец оставил семью.

О, он отлично помнил эту мерзкую сцену. Плач матери разбудил его. И он вышел из детской. Отец стоял с красным беспомощным лицом возле двери. Его руки крепко держались за ручки дорожных сумок. А за него самого крепко держалась некогда любимая им женщина. И сотрясалась от жутких рыданий.

– Мам, пап! – испуганно окликнул он их тогда. – Что происходит?!

– Он бросает нас, милый! Он уходит от нас! Он навсегда оставляет нас! – громко прокричала мать, и отец недовольно поморщился.

– Прекрати, – попросил он сдавленным голосом. – Не пугай детей.

– Я? Их пугаю?! То, что ты бросаешь их, это неважно! Важно то, что я их пугаю??? Мерзавец!!!

И ее крепкие ладони принялись хлестать по его недовольно сморщенному лицу. Отец попятился, потом переложил обе сумки в одну руку. Судорожными движениями оторвал от себя мать, отпер замки и шагнул за порог.

Все, больше его Геральд никогда не видел. Кажется, он вскоре умер...

Потом умерла мать, ровно в половине четвертого утра. А перед этим долго мучилась от страшной болезни. И все время звала своего предателя мужа, ласково звала, нежно, и еще шептала, что она ему все, все, все простила.

Геральда ее смерть потрясла настолько, что он почти месяц ни с кем не разговаривал. Мать всегда была для него единственно славным, верным и искренне любящим человеком. Он думал, что так будет всегда! И если не всегда, то очень, очень долго. А она возьми и уйди. В половине четвертого утра.

– Время зла... – прошептал он потерянно и зевнул, осторожными шагами прокладывая себе путь среди разбросанной мебели жертвы. – Кто-нибудь скажет мне, когда она умерла?

– Недавно, Гера. Совсем недавно. Часа даже не прошло, – оторвал свой взгляд от потерпевшей эксперт-криминалист. – Жалко, красивая девчонка.

– Как так вышло, что...

Он хотел продолжить, что они опоздали, но тут же прикусил язык. Они предотвратить зло не в силах. Зло, выбравшее для себя это жуткое время, когда день и ночь балансируют на тонкой грани. В это время даже архангелы, наверное, спят. Чего уж говорить о них! Они все спали, когда по звонку из дежурной части его лично и криминалиста подняли с постели. Остальные, что присутствовали, дежурили.

– Чего хотел сказать, Гера? – тронул его за рукав теплой куртки опер Игорь.

– Кто сообщил?

– Соседка напротив. Ее собака рвалась на дверь и пребывала в бешенстве.

– Пребывала в неистовстве! – с ухмылкой поправил его второй оперативник, с заспанной физиономией и всклокоченными волосами. – Так она сказала.

Спал на дежурстве, скотина, вяло подумал Гера. Ему, как начальнику отдела, надлежало бы парня взгреть. Вдруг проверка, а он морду о стулья плющит. Но ругать он его не стал и не станет. Поскольку сам на дежурстве зачастую спал, если ночь выдавалась спокойной.

– Соседку собака, пребывавшая в неистовстве возле входной двери, разбудила. Та попыталась ее успокоить, но тщетно, это тоже цитата, – оскалился заспанный опер. – Тогда она

глянула в дверной глазок и обнаружила дверь напротив распахнутой настежь. Она вернулась в комнату...

– Можно без этих подробностей, – оборвал весельчака Гера.

– Короче, она позвонила по городскому телефону своей соседке. Они довольно тесно общались. Обе одинокие и, как она выразилась, друг за другом присматривали, невзирая на разницу в возрасте. Телефон трещал на всю лестничную площадку, дверь-то открыта. Но к нему никто не подходил.

– И тогда она? – поторопил его Гера.

– Вызвала нас. Выйти в ночь за дверь она побоялась.

– И мы приехали группой только потому, что чья-то дверь оказалась открытой?! – усомнился Геральд, останавливаясь над истерзанным телом девушки.

– Да нет, конечно. Патруль подъехал, поднялся на этаж и обнаружил это злодейство.

– Понятно... Кто она? – кивнул подбородком на жертву Гера.

Девушке было двадцать четыре года. Звали ее Наташа. Наташа Кирина. Жила одна. Работала в супермаркете по соседству старшим продавцом, ждала повышения по службе. Очень дружила с соседкой.

– Как же я теперь, без Наташи-то?! Господи, кто же мог сотворить такое?!

– Это нам и предстоит выяснить, – похлопал по сгорбленной спине пожилой женщины Гера. – Вы лучше осмотритесь тут и скажите, ничего из ценного не пропало?

– Посмотрю, – кивнула женщина и, старательно отводя взгляд от тела, медленно пошла по комнатам.

Она останавливалась возле каждого предмета мебели, вздыхала, плакала и снова шла.

Гера решил пока выслушать мнение криминалиста.

– Ну, на первый взгляд она была изнасилована. Жестко и безобразно. Был ли акт совершен естественным путем или нет, предстоит выяснить.

– Насиловали живую?! – ухватился за сердце Гера. У него там в последние дни от нехороших новостей и предчувствий частенько стало ныть.

– Думаю, да.

– Смерть наступила от чего?

– Ее задушили, Гера. Долго били, и сильно били, скажу я тебе. Били живую, возможно, бессознательную. Крики слышали бы соседи, – взгляд эксперта оставался бесстрастным, но голос чуть дрогнул. – Били чем-то тяжелым. Здесь орудия не найдено.

– Точно?

– Да, несколько ран кровоточат. На орудии должны были остаться следы. Все ножки стульев целы, кухонная утварь тоже не носит следов. Да и вообще тут следов нет, черт побери! – выругался он и мотнул головой в сторону коллег, посыпающих серым порошком мебель и орудующих кисточкой. – Все чисто! Как такое может быть?!

– Перчатки.

– А обувь?

– Бахилы. Это сейчас сплошь и рядом у преступников. Умный нынче пошел преступник, – задумчиво пробормотал Гера и глянул на притихшую у распахнутого серванта женщину. – Что-то пропало?

– На первый взгляд будто и нет, – пожала она плечами едва заметно. – Но кто же знает! Может, у нее было что-то ценное, о чем я не знала? Антиквариата точно не было. Семейных драгоценностей... Тут не могу знать. Вам лучше с ее родственниками поговорить.

– Они у нее имеются? – Гера приготовился записывать.

– Да. Кажется, двоюродные брат и сестра. Живут в пригороде. Они не очень ладили.

Версия номер один – кузены, тут же убористым красивым почерком записал Гера. И попросил соседку принести их адрес, он у нее был записан.

– Вот, – сунула она ему листок от тетрадки, где были крупно написаны улица, номер дома и номер квартиры. – Это Наташин почерк, она писала, когда уезжала отдыхать. Мало ли, говорит, вдруг что с ней случится на отдыхе. Чтобы было, кому сообщить. С отдыха возвращалась жива и невредима, а тут... Кто же знал-то, что так все случится! Да еще и дома!

– Молодой человек? У нее был кто-то? – приготовился озаглавить версию номер два Геральд.

– Нет, – твердо ответила соседка.

– А что так? – не поверил Гера. – Молодая, красивая. Живет одна.

– А, – махнула та вяло рукой. – Верить она мужчинам перестала после одного случая в ее жизни. Обманул ее один мерзавец. Она после этого всем остальным верить перестала.

– Давно это было?

– Что – давно? – не поняла соседка и снова заплакала, рассматривая неживое тело, когда-то бывшее ее милой соседкой.

– Давно он ее обманул?

– Год назад или чуть меньше, – со всхлипом она отвела взгляд от погибшей, посмотрела с болью на Геру. – Вы найдете его?!

– Мерзавца, обманувшего Наталью?

– Да нет же, этого-то что искать! Он где-то неподалеку работает, в сфере торговли. Они и познакомились на каких-то курсах повышения квалификации. Я имею в виду убийцу. Вы его найдете?!

Хороший вопрос, подумал про себя Геральд. Этот вопрос ему задает каждый близкий жертве человек. Каждый, без исключения! Никому не хочется, чтобы мерзость, сотворившая подобное с их близкими, оставалась без возмездия. Никому. Он не исключение, хотя не состоял в родстве, тьфу-тьфу, ни с одной из жертв.

– Будем стараться, – пообещал Геральд. – Мне бы координаты той торговой точки, где работал ее бывший. Найдете?

Хотя вряд ли он причастен к убийству, вдогонку собственному вопросу пустил сомнение Гера. Прошло слишком много времени после их расставания. Год! Или почти год! Этого времени достаточно, чтобы оба успокоились. Зачем бывшему парню Наташи Кириной врываться к ней среди ночи и уродовать ее подобным образом? Разве она преследовала его, разве мстила за что-то, и разве она его обманула?

– Нет, что вы! – соседка испуганно прикрыла кривившийся в нервной зевоте рот. – Простите... Нет, Наташа, как рассталась с ним, больше и не виделась ни разу. И это он ее бросил, не она. Будто бы жениться собрался или был женат. Что-то не поняла я из ее сбивчивого рассказа. И знаете... Не нашла я про него ничего в своих записях. Либо выбросила, либо и не было ничего. Год прошел! Или чуть меньше...

Версия расплзлась на глазах. Парень погибшей, который с ней расстался год назад или чуть позже, собирался жениться или уже был женат. Вряд ли он причастен к ее гибели. Зачем ему? Он наверняка и думать про нее забыл!

Это кто-то другой. Кто-то злобный, мерзкий, опасный, хитрый и очень осторожный.

Он очень зол на жертву, очень! Он сильно избивает ее. Есть ли тут личный мотив? Хороший вопрос...

Он очень мерзкий, очень! Он насилует свою жертву извращенным способом и душит ее. Мстит ли он ей при этом? Еще один хороший вопрос...

Он хитрый, очень! Как-то ему удастся попасть в дом без лишнего шума. Обманом? Или он все же знаком с жертвой? Следов взлома нет?

– Следов взлома нет? – крикнул он ребятам.

– Нет, – послышался ответ на два голоса.

Стало быть, она его самапустила. Или у него были ключи от ее квартиры. А у кого могли быть ключи от ее квартиры? Правильно! У ее бывшего – раз. И у родственников – два. Надо будет все же найти женишка, как бы там он счастлив ни был со своей супругой.

И еще эта тварь очень, очень осторожная! Ни единого следа, волокна, кусочка ткани под ногтями жертвы. Ни единого отпечатка пальца или ноги. Бестелесный он, что ли?!

– Игорь, – позвал он опера, роющегося в почти пустом мусорном ведре. – Позвони в городскую дежурную часть с утра.

– На предмет? – тот поднял на него кислую физиономию.

Ясно, думал с утра отоспаться.

– Ничего похожего нигде у нас в городе не случилось?

– Тьфу на тебя! Тьфу, тьфу, тьфу!!! – в три голоса воскликнули ребята и замахали на него руками. – Нам еще серии не хватало!!!

Приблизительно теми же самыми словами встретило его руководство ближе к обеду, куда он поспешил с докладом о ночном происшествии. Все же позволил себе немного поспать. И ребятам позволил.

– Нам еще серии не хватало! – воскликнул Андрей Борисович, всплеснув руками и уставив на Геральда больные глаза. – И это в канун Нового года! Все, полетели к чертям мои рождественские каникулы. А я внуков обещал в Карпаты свозить! Там у меня халупа от тетки осталась, в горах, представляешь! – Его глаза мечтательно заблестели, голос стал мягким, бархатистым. – Утром просыпаешься, а за елями неба не видать! Солнце в сугробах заблудилось. Все в снегу, все искрится. Старенькую печку мы на камин переделали, дрова потрескивают. Жена у плиты блины печет, с малиновым вареньем и молоком к столу подает. М-м, мечта! А теперь что?! Теперь мечта моя, как тот мыльный пузырь! Что я внукам скажу, Гера-а? Уйду! Уйду, к чертовой матери, на пенсию, как хотите тут без меня!

– Что стряслось, Андрей Борисович? – выслушав стенания полковника, ставшие уже привычными, спросил Гера, и с левой стороны груди вдруг тоненько кольнуло.

– Что случилось! – фыркнул тот и потянулся за очками, застрявшими среди бумаг. – Ты сам выезжал на происшествие, чего спрашиваешь?

– Выежал. Вот хотел доложить. – Гера положил папку с бумагами на стол для заседаний.

– И что мы видим?

– Что? – севшим от волнения голосом спросил Гера.

– Что это уже четвертая жертва. Четвертая!

– Не может быть... Может, просто почерк схож и...

– Да ладно тебе пургу гнать, Гера! – затянул с тоской полковник. И снова сорвал с носа очки и зарыл их в бумагах. – Почерк! Схож! Все как под копирку. Жертва сама впускает к себе убийцу. В квартире тихо, никто ничего не слышит. А потом ее обнаруживают изнасилованной, избитой и задушенной. И ни единого, Гера, ни единого следа! Как будто сам нечистый там орудовал! Тьфу, прости господи!

– Четвертая жертва, – задумчиво произнес Гера и, не дожидаясь приглашения, сел к столу. – Погибшие все не замужем?

– Да.

– Жили одни?

– Да, – кивнул полковник, но вдруг спохватился: – Чего ты тут мне вопросы задаешь? Как на допросе, понимаешь... Это ты мне должен отвечать, а не я тебе!

– Так точно, простите, – покаялся Геральд.

– Есть какие-нибудь наметки по последней жертве? – сурово поджал губы Андрей Борисович, видимо, уже ругая себя за то, что расчувствовался. – Круг подозреваемых определен?

– Теперь уже и не знаю, что сказать, – задумчиво протянул Гера. – Вообще-то, под подозрением у меня ее бывший парень, с ним она рассталась год назад. И кузены: брат и сестра. По слухам, они не очень ладили.

– Она где-то работала?

– Соседка утверждает, что старшим продавцом в соседнем супермаркете. Выясняем...

– Год назад, говоришь? – вскинул голову на Геральда Андрей Борисович. – А что, если на почве душевных ломок у парня сорвало крышу, и он пошел убивать всех подряд, а?!

– У парня, по слухам, была невеста или даже жена. И он сам порвал отношения с нашей жертвой, – вздохнул Гера. – И его координат у нас нет. Пока... Будем говорить с коллегами по работе, что-то да выясним.

– Не что-то, черт побери! – взревел вдруг полковник, сделавшись багровым. – А все выясните! Кто, где, почему и зачем!!!

– Так точно! – приподнялся от стула ровно на дюйм Геральд. – У нас уже есть сведения, что познакомились они на курсах повышения квалификации. Думаю, список невелик. Кто-то да видел, с кем больше всего она общалась.

– Вот! – полковник вытянул в его сторону ладони лодочкой. – Можете, если захотите. Все, ступай, завтра утром информация по ее бывшему парню у меня должна быть вот тут!

И его указательный палец вонзился в полированную столешницу.

Геральд недолго пробыл у себя. Он почти сразу укатил по месту работы погибшей. Там уже почти все всё знали. Лица у сотрудниц были скорбными, у сотрудников угрюмыми и озабоченными. Когда Геральд собрал их на короткий перерыв в кабинете старшего менеджера, было почти три часа пополудни. Все вошли и чинно расселись на стульях вдоль стены. Хозяин кабинета сел на свое место за столом.

– Погибла ваша коллега Наталья Кирина, – сделал он короткое заявление, решив пока не вдаваться в подробности. – В настоящее время нами проводится расследование по факту ее гибели. Кто что может сказать о ней?

Народ зашушукался, начав переглядываться. Гера решил им помочь:

– Меня интересует все! Ваше мнение о ней как о человеке. С кем дружила. С кем созванивалась. С кем встречалась и обедала. И главное, мне нужны данные о ее молодом человеке, с которым она рассталась около года назад.

Трое из десяти облегченно выдохнули. Ясно, работают недавно. Остальные семеро напряглись, включая старшего менеджера, в чьем кабинете они расположились. Он вдруг выпрямил спину, раздул ноздри, сжал губы и побледнел.

Интересно, интересно...

– Итак, господа-товарищи. – Гера любил так называть людей, с кем его сталкивала служба. – Кто первый?

Он нарочно собрал их тут всех вместе, не став вызывать по одному. На это еще будет время. Он любил коллективные сборища, любил эффект неожиданности, когда народ, не успев собраться и прикрыться враньем, выкладывал все что есть. И если кто-то вдруг решил соврать, другой мог его одернуть, обругать. Мог возникнуть спор. А это очень здорово! Правда могла вылезти наружу почти сразу же.

А начини он их вызывать по очереди, что будет? Каждый, всяк отсюда выходящий, станет консультировать того, кто только собирается войти. И у того, следующего, будет достаточно времени, чтобы подготовиться к вопросам.

Так-то...

Старший менеджер по-прежнему сидел с плотно сжатыми губами и бледным лицом. И на него – ух, ты! – трое из девяти присутствующих бросали злорадные взгляды. Это уже кое-что.

– Говорите вы, как старший по должности, – предложил ему Геральд.

– Что говорить? Что говорить? – Он нервно дернулся, откинулся на спинку кресла, лоб и виски его тут же вспотели. – Наташа хороший человек... была, раз вы говорите, что она погибла.

– Погибла, погибла, в этом нет сомнений, – кивнул Гера.

И удивился по ходу, что никто из присутствующих так и не спросил, как именно погибла Наташа. Неужели слухи уже просочились от соседки? Или родня наведлась в магазин? Они уже узнали? Ну да, им должны были сообщить. Кто-то из оперов с ними уже должен был работать.

– Хороший человек, отзывчивый товарищ.

– Послушайте, – прервал его Гера, поморщившись, – мы же здесь не на комсомольском собрании. Отзывчивый товарищ. Честная, трудолюбивая... Это все понятно. Скажите мне лучше о конфликтах в вашем коллективе. Она была старшим продавцом. К ней стекались все жалобы и от покупателей, и от коллег. Что произошло здесь у вас не так давно?

Эти слова, в принципе, самые обычные, произвели эффект разорвавшейся бомбы. По кабинету пронесся сначала шелест, потом гул, и следом Геральда накрыл такой гвалт, что впору было затыкать уши. Но затыкать их ему было как раз и нельзя.

– Что произошло?! Почему сразу что-то должно было произойти? – это гневно взорвался старший менеджер.

– Тань, помнишь, что творилось месяц назад, когда поймали того мошенника?! – громким шепотом обратилась одна из девушек к соседке по стулу.

– Вообще, ужас! Он ей так угрожал... – так же шепотом ответила Таня.

Геральд быстро записывал.

– У нас тут каждый день как на вулкане, – обронил задумчиво один из трех парней. – То недовес, то ценники не те. То какая-то падла в свою сумку сунула банку икры и забыла ее пробить перед уходом с работы.

– Ага, – подхватил тот, что сидел рядом с этим парнем. – Падла забыла и сунула. Или падле этой кто-то сунул и забыл предупредить. Пошутил, возможно.

– Да уж, помню, как Кирина носилась с этой банкой по отделу и орала, что никому нельзя верить, что все воры и гады вокруг...

Геральд быстро записывал.

– А этот ее ухажер! – едва слышно, но все же слышно, фыркнула девушка на ухо своей подружке, которую все время держала за руку, уселись они как можно дальше от Геры, у самого выхода из кабинета. – Такая, прости меня, сволота! Тянул из нее бабло, как альфонс какой-нибудь. Натаха все надеялась, все думала, что женится. А он...

– Она за него даже курсы по английскому оплатила, – ответила ей подруга тоже шепотом.

– Да ладно!

– Она сама мне жаловалась. Будто даже кредит взяла.

– Ваще-е, надо было быть такой дурой! – Девушки склонились друг к другу еще ближе, и Геральду пришлось сильно напрягать слух, чтобы расслышать. – А этот-то, наш, переживает.

– Да уж вижу, белее снега. Он ей ведь проходу не давал. Наташка рассказывала, что на Восьмое марта в этом году выложил ей под окнами сердце из розовых бутонов.

– Лучше бы он детям своим конфет купил, урод! – зло отозвалась подруга и покосилась в сторону старшего менеджера, застывшего в своем кресле.

Потом шум перерос в то состояние, когда всем все стало без разницы, о чем говорить. Темы заплутали меж грядущих праздников, безденежья и опасности ночью выходить из дому в одиночку. И Геральд прерия прервал.

– А теперь, господа, я хотел бы переговорить с каждым по отдельности. Начнем?

Информации набралось много, и в целом Геральд остался доволен.

Во-первых, он узнал имя Наташиного парня, оставившего ее год назад с разбитыми надеждами и невыплаченным кредитом за его курсы по английскому языку. Это был некий Андрей Вихров, работающий заведующим отделом в соседнем магазине электроники. Парень был, по слухам, красивым, перспективным, ждал на тот момент повышения по службе. И сделавший, опять же на тот момент, предложение руки и сердца дочери одного из хозяев их торговой сети.

Во-вторых, Гера узнал, что Наташа была честным и непримиримым человеком. И обнаруженная банка неоплаченной икры в сумке одной из их сотрудниц стоила той рабочего места и мерзкой рекомендации при последующем трудоустройстве.

В-третьих, магазинный вор, пойманный Натальей с поличным, публично угрожал ей расправой, когда его уводил наряд полиции.

Ну а в-четвертых, к ней в женихи набивался старший менеджер, Игорь, так его звали. Женатый человек с двумя малолетними детишками. Упорно набивался, даже агрессивно.

– Я сама видела, как она потирала руку после того, как он поймал ее возле раздевалок, – стучала на начальника одна из девушек. – И морщилась вот так...

Девушка съежила личико.

Значит, настойчивость старшего менеджера не была в радость Наташе.

– Я любил ее! – вызывающе задрав подбородок, ответил тот, и тут же подбородок предательски задрожал, и в глазах у мужика заблестели слезы. – Я... Я раздавлен... Я не могу поверить, понимаете? Еще вчера утром мы с ней общались. И она...

– Что она?

– Она обещала мне подумать насчет наших с ней отношений, если я... Если я сделаю выбор в ее пользу. Ну, вы понимаете? Она не могла со мной, пока я женат. Очень принципиальной была на этот счет ее позиция.

– Послушайте, Игорь, вы понимаете, что у вас должно быть алиби на минувшую ночь?

– Что?! А? Алиби? Какое алиби?! – Его все еще бледное лицо слегка зарозовело. – О чем вы, не понимаю?

– Вы где были минувшей ночью, Игорь?

Геру его расстроенный вид и блестящие в глазах слезы мало трогали. Видал представления и похлеще. И Игорь этот со своей настойчивостью, граничившей с агрессией, вполне мог слететь с катушек.

– Дома! Спал! – Он взъерошил густые темные волосы, потер ладонями щеки, глубоко вдохнул и выдохнул, надув щеки. – Ну, вы даете! Думаете, это я?! Ее? Ну, вы даете! Я же любил ее и ждал. И что же, теперь, когда она вот-вот должна была дать мне согласие, я ее... Сумасшествие!

Вот тут Геральд с ним был полностью согласен. То, что произошло минувшей ночью в квартире Натальи Кириной, действительно отдавало сумасшествием. Если бы не одно но...

Преступление было очень тщательно продумано и не менее тщательно совершено. Он сразу ощутил некое беспокойство, осматривая разгромленную квартиру. Что-то ему не нравилось, хоть убей! Присутствовала во всем этом какая-то театральность. И что же! Эксперты подтвердили.

– Гера, ты гений, – нехотя признал один из них сегодня ближе к обеду. – В самом деле, все «громили» без лишнего шума. Просто брали стул и аккуратно его клали на пол кверху ножками. И стол перевернули так же, и хрустальную вазу с цветами с него осторожно положили на бок. И стекла, которые хрустели под ногами, наверняка были заготовлены заранее. Нет в ее шкафах таких фужеров, стаканов. И соседи внизу никакого грохота и шума не слышали. Инсценировка ограбления! Очень осторожная и аккуратная.

– Стеклышки собрали?

– А то!

– Идентифицировать сможете?

– Мы не сможем, кто-то покруче сможет. Отошлем куда надо, – пообещал эксперт. – Только что тебе даст тот факт, что стеклышки были когда-то рюмкой! Чья это рюмка, ты же установить не сможешь. Так-то!

Может быть. Подумал тогда Гера. Может быть. И тут же подумал, а вдруг в поле его зрения попадет некий подозреваемый, у которого при обыске в доме будет недоставать в комплекте именно такой вот рюмки, а?..

– Кто может подтвердить, что вы спали дома? Жена? Дети? – вернулся к разговору со старшим менеджером Геральд.

– Ну, д-да, – с некоторой заминкой произнес Игорь, и тут же его испуганный взгляд метнулся к телефону.

Врет! Надо торопиться.

– Наберите мне вашу супругу, – потребовал Геральд.

– Что?! – смертельная бледность снова окрасила симпатичное лицо старшего менеджера по продажам. И спина его снова сделалась прямой.

– Наберите мне вашу жену, быстро! – начал терять терпение Гера и, вытянув руку, выхватил из руки Игоря мобильный. – Хотя я могу и сам, верно?

Жена... Коротко и односложно. Не любимая, не зайка, не малышка или котенок, просто жена.

– Да, – отозвалась она мгновенно, будто все время держала телефон в руках в надежде, что муж ей позвонит. – Игорь?

– Нет, это не Игорь. Я начальник убойного отдела Зотов, – представился Геральд и тут же, услышав испуганный вскрик женщины, поспешил ее успокоить: – С вашим Игорем все в порядке. Вон он сидит напротив меня в своем рабочем кресле живой и вполне здоровый.

Женщина, обозначенная в телефонном справочнике сухо и лаконично, оказалась умной. Она не стала восклицать и бестолково охать: «Что происходит, что с моим мужем, передайте немедленно ему трубку, я хочу его услышать, и что вы себе позволяете, я стану жаловаться».

Она просто спросила:

– Что вам нужно, Зотов?

– Мне надо знать, где ваш муж провел минувшую ночь?

Повисла пауза. Продолжительная. Видимо, она мучилась и не знала, что ей говорить, чтобы не навредить. Или, наоборот, думала, как бы так половчее воспользоваться ситуацией, чтобы выместить на этом мерзавце, влюбленном в другую, все свое зло.

– Я не знаю, – последовал ответ, который Игорь слышал и который заставил его еще сильнее нервничать.

– То есть? Вы не знаете, был ли он дома или нет? А вы сами...

– Я сейчас с детьми у мамы. Временно, – призналась она нехотя. – Она приболела. Надо убрать квартиру к празднику и... Мы не ночевали дома уже дня три. Но Игорь постоянно звонит нам с домашнего. И вчера звонил.

– В котором часу это было? – на всякий случай спросил Гера, хотя был уверен, что звонок состоялся не в тот самый час, который он считал временем сотворения зла.

– Около полуночи.

– Все, спасибо. – Геральд отключил телефон, глянул на Игоря и уточнил на всякий случай: – Больше некому подтвердить ваше алиби? Если нет, то вам придется проехать с нами. Сожалею...

– Господи! – дернулся старший менеджер всем телом, когда через минуту смысл сказанного дошел до него. – Что за хрень вы тут несете??? При чем тут я???

Геральд вызвал конвой, который его на всякий случай сопровождал.

«Номер один» – сделал он пометку в блокноте с записями и, велел доставить подозреваемого в отдел, бойко зашагал к гипермаркету электроники, располагавшемуся по соседству.

Глава 4

Как быстро распространяются плохие новости! Не успела Оля выставить своего благоверного из дома, не успела побывать в кабинете следователя, как тут же на службе в ее спину начал раздаваться зловещий шепот.

– О господи!

– Да ты что?!

– Кто бы мог подумать!!!

– О ней и не скажешь!!! – приблизительно такими возгласами заканчивался каждый перекур, стоило ей войти в курилку.

Как только она входила, разговоры стихали, зависая на восклицаниях. Взгляды прятались в клубах дыма. Народ тотчас торопился приступить к своим обязанностям, Оля оставалась в одиночестве.

Зачем она снова стала курить, она не знала. Распатавшиеся нервы, разбудившие вредную привычку? Или просто нужен был повод, чтобы вернуться к этой вредной привычке?

– Куришь? – зашипел на нее накануне вечером по телефону Гера.

Он просто сумел расслышать между ее слов характерное, едва ощутимое пыханье.

– Курю, – призналась Оля.

– И дура! – крикнул он. – Здоровье надо беречь. Оно тебе еще пригодится.

– Зачем?! Чтобы противостоять этому злобному следаку? Так это бесполезно. Если он захочет...

– Не захочет, – пообещал Гера. – И давай завязывай с курением, Олька. А то накажу.

Она себя и без того считала наказанной. И виноватой без вины. Следователь, конечно, от нее на время отстал. Гера ли постарался, или Витька одумался, и заявление свое забрал назад, она не знала.

К Витьке больше не пошла в больницу. Да он, по слухам, вроде выписался. Особо тяжкие увечья, видимо, оказались не такими тяжкими. К ней он тоже не приходил больше. Да Оля и замки поменяла, чтобы ему неповадно было. Соседи высунулись на плотницкий стук по ее двери, неодобрительно качнули головами и снова скрылись. Оля к ним тоже больше не ходила. И они ей не навязывались.

Люська укатила к родне на празднование Нового года и на все рождественские каникулы. Ее с собой звала и даже настаивала. У нее в тех краях будто что ни родственник, то холостяк.

Оля отказалась.

– Одна будешь в новогоднюю ночь?! – вытаращилась на нее соседка. – Или спать ляжешь?! Это же грех, в такую-то ночь!

– Да ладно тебе, у нас корпоративная вечеринка для желающих организовывается как раз на праздник. Пойду туда.

Вечеринка, как оказалось, не сложилась. Желающих было мало. И Оля подумала, что если не решится праздновать с кем-нибудь из своих родственников, то в самом деле ляжет спать. А что? Никакого греха тут нет. Ночь как ночь. Главное – это уснуть вовремя. Чтобы не мучила тоска до самого утра и чтобы зависть не точила на чужое шумное веселье за стеной.

Оля ткнула окурок в высокую пепельницу, наполненную песком, развернулась, чтобы идти на рабочее место, и тут же сделала шаг назад.

У двери, плотно прикрывая ее за собой, стоял зам по финансам Скоробогатов Александр Сергеевич. Под метр девяносто, накачанный, красиво и всегда модно одетый, с умным породистым лицом, черными с проседью волосами, Скоробогатов был хорош собой. Знал об этом и часто пользовался. Не уступивших ему, по слухам, не было. В его койке, опять же по слухам,

побывали все, на ком он останавливал свой взгляд больше двух раз. На Олю он никогда не смотрел с особым интересом. Никогда.

Теперь же Скоробогатов стоял, покачиваясь с пятки на носок, руки в карманах брюк, и с нездоровым любопытством рассматривал Олю.

– Привет, – проговорил он зачем-то.

Может, понял, что его рассматривание ей не нравится и что вообще неприлично стоять и пялиться так на сотрудника, который возглавляет отдел маркетинга и с которым утром уже виделся на совещании у генерального.

– Привет, – ответила Оля и осторожно, бочком двинулась к выходу.

Она очень надеялась, что Алекс – так его здесь все называли – отступит чуть в сторону и даст ей возможность покинуть курилку. Не отступил.

– Торопишься? – вдруг спросил он и полез в карман пиджака за сигаретами.

Чего ему приспичило вдруг прийти сюда выкурить сигарету? Об этом можно было только догадываться. Алекс всегда курил в своем кабинете, где у него была оборудована великолепная вытяжная система.

– Ну... работа не ждет, – улыбнулась она осторожно.

– Да ладно тебе, Оленька. Не торопись, – голосом слаще нектара проговорил Алекс. – Поговорим, а?

Чуть сдвинулся с места, оперся задом о подоконник, по-прежнему преграждая ей путь вытянутыми вперед ногами.

Говорить ей с ним совсем не хотелось. Производственные вопросы решили с утра на совещании. Сплетнями она не занималась. Все! О чем еще можно было говорить? О погоде, творившей весну на улице в канун Нового года? О курсе валют? О финансовых махинациях, накрывших их конкурентов? Все это обсудили уже с утра!

– Вы что-то хотели, Александр Сергеевич? – Оля еще раз осторожно улыбнулась. – Я могу подойти к вам минут через десять. И...

– Да не части ты, Оль, – его рука, не занятая сигаретой, дотронулась до ее локтя. Длинные крепкие пальцы обхватили ее руку. – Говорю же, разговор есть. Присядь, присядь, не спеши.

Он подтянул ее к подоконнику, заставил присесть рядом. Шевельнулся, пододвигаясь ближе.

– Слышал, ты с мужем разбежалась, – не спросил, просто сказал он, ткнув окурок в песок. – Кто-то башку ему будто проломил. Тебя вызывали. Скверно...

– Скверно что?

Ей в самом деле вдруг стало интересно, что из перечисленного он считает самым скверным. Что она теперь одна? Что ее бывший пострадал? Или что ее вызывали?

– Все! – Он вздохнул, завел свою руку за ее спину, уложил растопыренную ладонь на подоконник так, что один из его пальцев уткнулся в ткань ее юбки, ну и в то, что было под ней. – Женщине одной плохо. Сразу начинается.

– Что начинается?

Она чуть отодвинулась, он тут же отреагировал: контакт ее тела с его рукой не исчез.

– Все липнет к ней сразу: и грязь, и неприятности. Я уж не говорю о всяческих проблемах бытового характера. Опять же секс! Как без секса? Что скажешь, Оль?

– А что сказать? – Она делано рассмеялась и, оттолкнувшись от подоконника, отошла подальше от Алекса и поближе к двери.

– Ну, как планируешь от всего этого избавляться?

– Не планирую. – Она хотела что-нибудь соврать, сочинить какую-нибудь романтическую небылицу, но тут же передумала. – Некогда.

Оля хотела открыть дверь и выскользнуть, чтобы избежать щекотливой ситуации, не отвечать на неприятные вопросы с неприятным подтекстом. Но Алекс не позволил, он очень ловко поймал ее, обхватив сзади за талию. И, прижав к себе, зашептал, зашептал:

– Оля, Оленька, ты давно мне нравишься. Не вырывайся, послушай... Ну чего ты, а? Я же к тебе всей душой и телом, так сказать. Я хочу тебя, Оленька. Ну...

– Алекс, отпусти! – вот уж не думала, не гадала, что ей так противно будет ощущать чужие руки на теле. – Алекс, нас могут увидеть!

Предостережение подействовало. Скоробогатов с шумом выдохнул и отступил.

– Ты подумай, – послал он ей в спину фразу, сопровождаемую многозначительным хохотом. – До вечера, Оленька.

От этого вот самого «до вечера» она дергалась весь день. И обедать не пошла в кафе через дорогу, потому что они всем коллективом там обедали с разницей в пять, десять, пятнадцать минут. Вдруг она там столкнется с Алексом! Как себя вести?! Не дай бог покраснеть, смутиться, споткнуться и поднос уронить. Взгляды сотрудников и так прожигают ей затылок, а тут еще и это! Сразу придумают, присочинят и к завтрашнему утру соединят их своей болтовней всеми возможными узами.

Не хватало, да?

– Принеси мне что-нибудь, – попросила она в обед молчаливую девушку Верочку, работавшую с ней бок о бок последние четыре года.

– Что именно? – согласно кивнула она. – Мясо? Рыбу? Выпечку?

– На твое усмотрение. Что аппетитнее будет, то и возьми, – она сунула ей деньги. И сразу принялась оправдываться: – А то у меня столько работы, скоро праздники, надо все успеть.

Если Верочка и не поверила ей, то никак не проявила своей догадливости. Снова кивнула, молча вышла, а Оля попыталась работать.

Не выходило, черт побери! Ничего не выходило! Столбцы цифр, рекламных слоганов, снимков сливались одним пестрым пятном, давили на зрение, заставляли ныть виски.

Оля отодвинулась от стола, вытянула ноги, закинула руки за голову и прикрыла глаза.

Может, зря не уехала с Люсей? Новые места, новые люди, новые впечатления. Развеешься бы хоть как-то. А тут что? Какие перспективы? Правда, что ли, спать в новогоднюю ночь лечь? Она не делала этого с семи лет, уже тогда заявив родителям, что будет со всеми вместе.

С кем же ей быть вместе теперь?

Гера, как всегда, будет работать. Да у него могут быть и личные планы. К родне податься? Вопросами и сочувствием одолеют. Бр-р, нет!

Зря не поехала с Люсей.

То ли она задумалась, то ли задремала, вытянувшись в кресле с закрытыми глазами. Но почему-то приход Алекса она пропустила. Не слышала, как открылась дверь, как он подошел к ее столу. Дернулась как от удара, лишь когда почувствовала на своей груди чьи-то руки. Открыла глаза, а он навис над ней, лапает ее и дьявольски скалится.

– Ум, Олька... – прошептал Скоробогатов, жадно сглатывая слюну. – Какая ты... Хочу тебя! Может, успеем, а, пока твоя мышка обедать убежала?

– Иди к черту! – с визгом вскочила Оля с места. – Скотина!

Она размахнулась, чтобы ударить его по лицу, но он тут же перехватил руку, завел ее ей за спину и крепко прижал Олю к себе.

– Норовистая, – прошептал он снова и начал тереться о нее с такой интенсивностью, как будто его кусали блохи. – Я таких люблю, Олька... Какая ты сочная, хочу тебя! Хочу! Я сегодня приду к тебе, ага?

Она не знала, что делать! Кровь ударила в голову, ноги дрожали, она задыхалась от бешенства и унижения. У нее не хватало сил, чтобы вырваться, чтобы отпихнуть его, чтобы ударить. Визжать и брыкаться она тоже не могла. Стыдно! За стенкой в соседнем кабинете кто-

то был, она слышала шаги и грохот отодвигаемых стульев. Начнет кричать, привлечет любопытные взгляды к своей персоне, и без того не обойденной вниманием в последнее время.

– Уйди! Убью!!! – зашипела она ему прямо в раскрасневшееся потное лицо и плюнула. – Убью!!!

Алекс отпрянул, ошарашенно заморгал, наблюдая за тем, как она мечется по кабинету, на ходу заправляя блузку в юбку. Потом, после минутной тишины, поправил свою рубашку, отряхнул брюки, вытер лицо рукавом и пошел к двери. На нее он так и не глянул. Но перед тем как выйти, успел все же пообещать:

– У тебя будут серьезные неприятности, Ольга. Серьезные...

Как в воду смотрел, как накаркал, сволочь! Или спланировал?

Остаток дня проплыл как в тумане. Вернулась Верочка с парой бифштексов и пирожным. Кажется, она все съела и даже хвалила выпечку. И даже говорила с Верочкой о чем-то. Не помнила ни слова из их тихого диалога. Все время перед глазами маячила потная физиономия их зама по финансам. И его зловещее обещание. И еще руки! Она все время ощущала на себе отвратительную тяжесть его сильных рук, пытающихся задрать на ней блузку до самой шеи.

– Тьфу, гадость какая, – в какой-то момент вырвалось у нее. Оля тут же опустила взгляд в бумаги.

– Что? – вздрогнула Верочка и глянула на нее как-то странно. Она ведь только что отдала ей распечатки своего плана на январь. – Что-то не так с планом?

– Так, ничего, это я сама с собой, – вымученно улыбнулась Оля и снова уткнулась в бумаги.

Через час захлопали двери соседних кабинетов. Верочка тоже засобиравлась.

– Вы идете? – опять очень странно глянула она на нее от двери.

– Да, да, – изо всех сил изображая загруженность, пробормотала Оля, не поднимая головы от квартального отчета, в котором вообще ни черта не понимала сейчас. – Еще полчасика...

Она честно отсидела час! Целых шестьдесят минут своего личного времени она израсходовала на то, чтобы не столкнуться ни с кем у лифта, не пересечься у турникета и не выйти одновременно на автомобильную стоянку. Целый час ушел у нее на ожидание. Целый час она просидела в кабинете, невидяще уставившись в стену, чтобы никого, никого не встретить.

И на тебе!!!

– Оленька, похвально, похвально... – вкрадчивый голос Алекса догнал ее как раз в тот момент, когда она толкнула вертушку турникета. – Нам хлеба не надо, работу давай, да?

Она глянула на него, чуть обернувшись, кивнула с улыбкой. Улыбка и кивок подразумевали прощание. И пошла к выходу, забросив ручки сумочки на плечо.

– Оленька! – Алекс ее догонял. – Не надо так торопиться! Я ждал...

И он снова схватил ее. На этот раз просто за руку. И не столько за руку получилось у него схватиться, сколько за рукав ее меховой курточки. И как-то так неудачно схватил, что она оступилась и едва не упала на левое колено. Еле удержалась на ногах. Тут же с чего-то представилось, как она падает, широко разбрасывая ноги, моментально почувствовала себя неуклюжей, некрасивой и неудачливой. Еще охранник, тупая башка, насмешливо фыркнул за стойкой.

И она рассвирепела! И совершенно перестала себя контролировать.

– Слушай, ты!!! – заорала Оля, разворачиваясь на высоких каблуках к Алексу, отмахивающемуся от нее с виноватым смешком. – Не подходи ко мне, понял? Не подходи!!! Никогда!!!

– А то че? – спросил за него охранник за стойкой.

– А то – то!!! – нацелила она в него указательным пальцем. – Ты вообще знай свое место и не лезь!

– Ух ты! – покачал головой с осуждением охранник и добавил едва слышно: – Сколько агрессии.

– Это не агрессия, друг мой, – оскалился Алекс, кажется, его все это действие даже забавляло. – Это темперамент!

Оля с пылающим от гнева лицом шагнула к выходу, схватившись за дверную ручку, потянула ее на себя. И почти тут же отпрянула. Прямо на нее неуклюжей тяжелой походкой двигалась, кто бы вы думали?! Ни за что не догадаетесь! Ее соперница! Вот это да!

Оля онемела.

Чего явилась сюда эта корова?! Добить ее?! Завершить то, что не вышло прежде, прямо в этом холле на глазах у наглого охранника и кривившегося в ухмылке Алекса?

Оля, отойдя метра на два от входа, застыла с широко распахнутыми глазами. Грудь сдавило от бешеных толчков сердца. В горле высохло так, что, кажется, воздух прорывался сквозь него со скрежетом.

Так и чудилось, что в холл с улицы следом за своей медведицей Валею влетит Виктор. И станет заботливо кутать ее в распахнутое на груди пальто. И укоризненно смотреть на свою супругу, теперь уже бывшую.

Виктор не влетел. Зато Валентина проявила себя с неожиданной стороны.

– Вы! – вдруг пошла она на Олю с перекошенным ртом. Может, гневалась, может, просто замерзла. – Вы должны мне ответить!

– Господи, спаси и сохрани! – шепнула Оля и попятилась.

Алекс, вдруг передумав уходить, облокотился о стойку охранника и принялся с ним о чем-то оживленно перешептываться. При этом оба не сводили с женщин любопытных взглядов.

– Вы должны мне ответить! – повторила ее соперница и сделала еще один тяжелый неуклюжий шаг в Олину сторону.

– Слушаю вас. Говорите, – сделав над собой усилие, спокойно предложила ей Оля.

– Что вы с ней сделали?! Что вы с ней сделали, господа?

Валентина резво взмахнула рукой с зажатой в ней громоздкой сумкой и опустила ее Оле на голову раз, второй, третий.

Мужики у стойки охранника не громко, но заржали.

– Отдай ее мне! Отдай! Отдай, отдай!!! – Еще один удар, еще, еще.

Оля стояла как одеревеневшая. Все, что происходило, происходило будто не с ней. Будто не на ее голову опускалась дамская сумка размерами чуть меньше хозяйственной. Будто не ей было больно так, что в глазах сделалось темно и подогнулись колени.

Она снова онемела, как и в тот самый момент, когда обнаружила в своей постели мерзкое совокупление и когда ее голый муж запрыгнул за занавеску. Тогда она так же не знала, что делать в первый момент. Во второй уже нашлась, конечно же. А вот тогда...

Тогда, как и теперь, стояла дура душой и даже не пыталась прикрыться. В чувство ее привел пусть не гневный, но все же окрик Алекса:

– Женщина, эй, что вы себе позволяете? А ну прекратите хулиганить! Вы в приличном месте!

Растрепавшаяся женщина глянула на него, тяжело вздохнула, выдохнула и придушенным голосом спросила:

– Приличное место?!

– Да.

Алекс оттолкнулся от стойки охранника и пошел к ним. Неподражаемо красиво пошел. Он любил публику. Любил играть. Даже если перед ним и один зритель. Теперь зрителей было чуть больше.

– Приличное место. А вы хулиганите. Ай-ай-ай-ай, – укоризненно покачал он головой, хотя глаза светились бесовским довольством.

Он встал между ними и даже чуть отеснил нахалку. Посмотрел на Олю, осторожно поправил ей волосы и едва слышно поинтересовался, как она.

Оля промолчала, но и руки его не оттолкнула. Просто не смогла, а не потому что была ему благодарна. У нее все плясало и прыгало перед глазами. Главной задачей казалось устоять на ногах, не рухнуть, на радость всем присутствующим, и не зареветь в голос.

Что происходит? Что с ней сегодня вообще происходит? Сначала Алекс, теперь вот эта! Нет, сначала был Витька и эта. Теперь Алекс и эта.

Кто она вообще такая, эта Валя? Что ей от Оли нужно? С какой стати она решила, что может вторгаться в ее жизнь и переворачивать в ней все с ног на голову? Кто позволил ей так унижать ее? Она же ее сейчас... Она ее...

– В приличном месте должны работать приличные люди? – спросила вдруг Валентина, по-прежнему шумно вдыхая и выдыхая.

– Такие тут и работают, – кивнул с достоинством Скоробогатов. – У вас есть сомнения?

– Да! И еще какие! Насчет вот этой! – и мясистый палец Валентины ткнул в Олину сторону. А оплывшее горло исторгло вопрос: – Вы знаете, кто она?

– Да, это Ольга Ивановна Фролова, хороший человек и просто красивая женщина, – ответил Алекс с утробным смешком.

Вот это его похихатывание, в котором определенно чувствовался какой-то подвох, окончательно привело Олю в чувство. Она вздрогнула, зажмурилась на мгновение. Потом тряхнула головой, провела ладонью по волосам. Алекс зря старался. Прическа сильно пострадала от Валиной сумки. Тут же прогнала в мыслях все, что только что произошло в холле первого этажа, и решила, что все вокруг мало-помалу начали сходить с ума.

Все, кроме нее, разумеется.

Сначала Алекс с чего-то решил, что может вести себя с ней как с распутной девкой. Пристал в курилке, лапал ее в кабинете, хватал за руки на выходе.

Потом охранник, вопреки всем установленным правилам внутреннего распорядка, позволил себе реплики в ее адрес. Неуважительные, между прочим.

И под занавес эта корова, сломавшая привычный уклад Олиной жизни уже одним тем, что позволила себе переступить порог Олиного дома. Не говоря уже о том, что разделась и улеглась на ее шелковые простыни! И вот теперь ЭТА тварь, сломавшая привычный уклад Олиной жизни, является к ней на работу, устраивает дикую сцену на глазах хама охранника и вконец распоясавшегося Скоробогатова. И требует, чтобы Оля вернула ей – что? Виктора?

Конечно, речь о нем. Хотя она все время твердила: отдай ее мне, отдай ее мне. Наверняка оговорила, захлебываясь слюной.

Так пускай забирает! Он жив и здоров уже, проживает на их даче в пригороде. И неплохо, видимо, поживает, раз не приполз до сих пор вымаливать прощения.

Но это, как говорится, детали. Главное, что пульсировало сейчас в голове: как они посмели? Как вся эта разношерстная группа посмела так ее унижать? Кто они такие, черт возьми! Ну, она им сейчас устроит.

– Ах ты гадина, – выдохнула Оля и, поудобнее перехватив сумку в руке, замахнулась...

Глава 5

За окном было темно, но фонари во дворе уже потушили, значит, половина девятого уже точно есть. Это он определил сквозь прищуренные веки. Пора было вставать и готовить завтрак себе и Нонночке.

Илья Антонович Носов открыл глаза и осторожно повернул голову. Очень осторожно повернул, чтобы накрахмаленная наволочка не хрустнула и чтобы наполнитель в подушке тоже никак не отреагировал бы, тот иногда тихо, но поскрипывал.

Нонночка очень чутко спала. И когда он ее будил по неосторожности, сильно раздражалась. И смотрела потом на него за завтраком так...

Так, что ему тут же хотелось сдохнуть. Чтобы не ощущать себя старым, некрасивым, толстым и неуклюжим. А когда она, раздраженная, смотрела на него, то он именно таким себя и ощущал. И особенно остро ощущал Илья Антонович в такие минуты, насколько нелюбим ею и насколько ей противен.

Может, стоило дать ей тогда уйти, а? Может, не надо было рыдать, как последняя баба, и стоять перед ней на коленках? Может, не надо было цепляться за подол ее летнего легкого платья, в котором она особенно хороша? Может, не стоило уговаривать, обещать?

Такие мысли, изредка посещавшие его сразу после разыгравшейся меж ними семейной сцены, стали вдруг навеваться все чаще и чаще. И стало думать: а что бы было с ним, Носовым Ильей Антоновичем, если бы Нонночка ушла тогда к этому своему? Пропал бы он? Запил бы, наглогался снотворного? Сунул голову в петлю? Или все же...

Или все же выжил бы он без Нонночки? Выжил бы, заужавал себя, занялся бы спортом. Сел на диету, похудел. Смог бы он все это сделать без нее? И кто она вообще для него, его милая красавица Нонночка – парус или якорь?!

Илья Антонович, затаив дыхание, стащил с себя одеяло, свесил ноги с кровати и тут же одновременно выдохнул и встал. Получилось! Нонночка даже не шевельнулась. Даже реснички ее не дрогнули. Отлично! Теперь постараться так же тихо преодолеть три метра по спальне, открыть, закрыть бесшумно дверь и галопом на кухню. Сегодня он сделает для нее что-нибудь особенное. Сегодня утро обещает быть добрым.

Блины вышли пышными, золотистыми и очень вкусно пахли, когда он выкладывал их стопкой на тарелку. Так, сметана, джем. Поставить тарелочку на поднос, туда же кофейник с ароматнейшим огненным кофе, маленькую сахарницу с крохотными кусочками коричневого сахара и можно идти.

А, нет, рано! Совершенно забыл о себе!

Илья метнулся в ванную. Плеснул горсть ледяной воды в лицо. Потом промыл подмышки, насухо вытер и чуть брызнул дезодорантом. Оскалил рот перед зеркалом. Ничего между зубов не застряло. Пригладил редкие волосы, расправил на животе футболку, чтобы та не так липла к вспотевшему телу и не так рельефно обрисовывала его полноту. Вернулся в кухню за подносом, а там...

А там уже Нонночка сидит на своем любимом месте у окна на высоком табурете, пьет кофе с блинами, улыбается и что-то тихо, сыто напевает. У нее это забавно получалось, как у огромной сильной кошки. Ему это очень нравилось раньше. С годами привык. Теперь же все чаще хотелось ее заткнуть и предложить жрать молча.

Ой, что это он опять?

Илья еле сдержался, чтобы не начать шлепать себя по губам вспотевшей ладонью. Хотя он ведь молчал. Скорее головой надо бы куда-нибудь приложиться, чтобы не допускала та в себя подобные мысли.

– Ла-апу-усь, – промурлыкала Нонночка, не оборачиваясь. – Завтрак бесподобен!

– Спасибо, милая, спасибо.

Илья осторожно подкрался, встал за ее спиной, боясь шумным дыханием нарушить очарование момента, но все же осмелился и приложился влажными губами к ее шее за ухом, пахло от жены как всегда восхитительно.

– Ум-мм, – буркнула она то ли от удовольствия, то ли от неудовольствия, было сложно понять, когда она ворчала с набитым ртом.

Илья на всякий случай отошел подальше и засуетился у холодильника.

– Я сегодня во вторую смену, милая. Дежурство у меня. Есть время приготовить что-нибудь эдакое, – тут он залихватски щелкнул пальцами, не отрывая взгляда от бараньей вырезки, которую приготовил еще загодя. – Что пожелаешь на ужин, а? Может, баранинки, а? Помнишь, в прошлый раз...

– Не надо! – резко оборвала его Нонночка. – Ничего не надо, Илюша!

И по ее мгновенно напряженившейся пояснице Илья понял, что сегодня она будет ужинать вне дома. Он сразу догадался, что будет дальше.

Сейчас она поест, благодарно чмокнет его в макушку и уйдет смотреть утренние передачи. С обеда Нонночка заляжет в ванну, обернувшись какой-нибудь замысловатой зловонной маской с пяток до подбородка. Затем будет тщательно мыть себя, а ему достанется мыть ванну. Потом будет разглаживать волосы утюжком, что он подарил ей по ее просьбе. Красить ноготки, тщательно выбирать одежду, одеваться. Потом она вызовет такси и... вернется утром.

И он будет знать, где она! С кем она! Потому что она считала своим долгом ставить его в известность. Считала, что этим щадит его нервы. Да и забирать ее ему иногда приходилось оттуда, куда она отправлялась из ночных клубов, театров, званых вечеров.

Где она бывала, возникает вопрос? И что делала? А все просто... Нонночка пускалась в блуд! Да, так она называла ежемесячные отлучки из дома.

– Милый, я пускаюсь в блуд! – предупреждала она его раньше дня за два, за три.

Он в эти дни изводил себя, мучился и даже плакал, вспоминая, как неосторожно пообещал ей отпускать на подобные мероприятия, если она не бросит его.

Нонночке со временем его мычания за закрытой дверью крохотного кабинетика надоели. И предупреждать его она перестала. Просто уходила на вечер и ночь, и все. А последние два раза она даже не говорила, с кем и где! И Илья вдруг не стал спрашивать. Просто перетерпел, и все. И страшно зауважал себя потом за это. Но Нонночка, кажется, даже не заметила, что муж мысленно повысил самооценку. Хорошо, что вообще его замечала.

Может, следовало ее убить?

Он вздрогнул и стукнулся о стеклянную полку холодильника. Но вздрогнул Илья не оттого, каким страшным был этот вопрос, посетивший его внезапно, когда он осматривал баранью мякоть и ощупывал упаковку с рукколой, а от собственной смелости.

Неужели он – Носов Илья Антонович, уважаемый человек, заслуженный работник органов внутренних дел, не доживший еще и до сорокалетнего юбилея, – способен загубить чью-то жизнь? Он, раскрывший не один десяток преступлений, поймавший с десяток матерых преступников, среди которых были и убийцы, способен сам стать убийцей?!

А если у него не выйдет?! Если он в последний момент перепугается или у него дрогнет рука? Что будет с ним тогда? Илья зажмурился, представив. Вообще-то, что будет с ним, ему понятно, его посадят на долгие годы.

А с Нонночкой? Что будет с ней?

Илья вздохнул и хлопнул дверцей холодильника.

Тут тоже все понятно. Она не станет больше пускаться в блуд на стороне. Она станет это делать дома. И станет утробно похихатывать, вспоминая своего толстого неудачника мужа, не сумевшего и не успевшего как следует сделать в этой жизни ничего. Даже убить ее!..

– Ты куда? – вдруг дернулась Нонночка всем телом за ним следом, когда Илья пошел из кухни.

– На службу, – коротко отрезал он и захлопнул дверь своего крошечного кабинета прямо перед носиком изумленной Нонночки.

– Но ты же сказал, что у тебя вечернее дежурство! – ее кулачок с силой опустился на дверь.

Илья промолчал. Он и не смог бы ничего сказать ей сейчас. Было очень тяжело говорить, потому что рот его широко улыбался.

Что, победа, да? Он одержал крохотную, но все же победу, да?! Она, его равнодушная красавица жена, давно наплевавшая на узы их несчастного, но все же брака, мало того, что пошла за ним, она снизошла до любопытства и даже чуть разгневалась, стукнув кулачком в дверь. Он ее удивил и разозлил. И это было здорово!

Илья открыл встроенный шкаф, переделанный из маленького тамбура между коридорчиком в ванную комнату и его кабинетом, достал новую рубашку в упаковке, выпотрошил из нее все иголки и заколочки, надел. Потом выбрал темные джинсы и темный синий джемпер. Он был ему чуть великоват и потому не обтягивал и даже чуть стройнил. Илья как-то стеснялся его надевать прежде, джемпер был модным. Это ему подарила одна из его двоюродных сестриц, сильно переживавшая его семейную неудачу.

– Может, найдешь себе кого-нибудь, – мечтательно закатывала глаза сестрица, рассматривая Илью в новом джемпере.

Он искать никого на тот момент не собирался и джемпер припрятал. Сейчас он тоже никого искать не собирался, но джемпер надел.

– Куда это ты собрался? – Нонночка, оказывается, все это время стояла под дверью и слушала, как он шуршит одеждой и хлопает дверцей убогого шкафа, перестроенного из тамбура.

– На службу, дорогая.

Илья вытащил из груды ее курток, пальто, шуб и полушубков свой пуховик, обул осенние ботинки, зимние были очень грубыми и старыми. Поправил редкую шевелюру перед зеркалом, накинул капюшон и шагнул к двери. Потом, будто спохватившись, обернулся к жене и, ухватив ее за плечи, привлек к себе.

– Ты тут не скучай, малышка, – попросил он тихо и поцеловал ее в лоб.

Он был уверен, что сразил ее наповал. И ликовал. И даже нескладно напевал что-то, прогуливаясь по заснеженным дорожкам ближайшего сквера. И решил вдруг, что его крохотную первую победу следует отметить. Просто посидеть в каком-нибудь милом местечке, послушать тихую печальную музыку, поесть то, что приготовлено не им самим. Улыбнуться официантке, чего он раньше никогда не делал, потому что считал предательством по отношению к Нонночке. И кажется, он знал такое местечко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.